Россия...

Пг., 1917.

Чрезвычайная Слѣдственная Коммисія.

НАШИ ВОЕННО-ПЛѢННЫЕ

въ

ГЕРМАНІИ и АВСТРО-ВЕНГРІИ.

(По дополнительнымъ свѣдѣніямъ).

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.

Чрезвычайная Слѣдственная Коммисія.

НАШИ ВОЕННО-ПЛѢННЫЕ

ВЪ

ГЕРМАНІИ и АВСТРО-ВЕНГРІИ.

(По дополнительнымъ свѣдѣніямъ).

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.

ВВЕДЕНІЕ.

Первый гуманный проектъ международныхъ правилъ для воюющихъ странъ относительно военноплѣнныхъ былъ предложенъ просвѣщеннымъ бельгійцемъ г. Эд. Ромбергомъ на конгрессѣ, посвященномъ актамъ благотворительной дѣятельности во время войны. Это имѣло мѣсто въ Парижѣ въ 1889 году во время всемірной выставки. Но обсужденіе обязательности для воюющихъ сторонъ основныхъ положеній о военноплѣнныхъ возымѣло свое значеніе впервые на «Мирной Конференціи» 1899 г., посвященной общему обсужденію законовъ и обычаевъ сухопутной войны.

По свидѣтельству профессора международнаго права Парижскаго университета г. Луи Рено, именно нашему соотечественнику, покойному Ф. Ф. Мартенсу, въ качествѣ предсѣдателя Экспертной Комиссіи принадлежитъ честь искуснаго проведенія въ Конференціи вопроса о военноплѣнныхъ и юридическая обработка основныхъ положеній гуманнаго проекта, отвергнутаго въ 1874 году въ Брюсселѣ, но принятаго на этотъ разъ въ Гаагѣ. Самая идея о возможности какихъ-либо жестокостей по отношенію къ плѣннымъ въ видѣ мщенія, или по праву сильнаго надъ беззащитнымъ, отнынѣ считалась исключенною. Все сводилось къ принципу возможной справедливости: обезоруженный плѣнникъ лишь долженъ быть поставленъ въ условія, исключающія для него возможность вредить въ дальнѣйшемъ воюющей сторонѣ, захватившей его въ плѣнъ, но самое несчастіе его должно пользоваться признаніемъ и уваженіемъ.

На Гаагской конференціи въ подробностяхъ не были разработаны всѣ правила относительно военноплѣнныхъ, но казалось незыблемо установленнымъ, что всѣ правила, издающіяся по этому поводу той или другой страной, должны строго соотвѣтствовать основнымъ положеніямъ, принятымъ въ 1899 году.

Любопытно отмѣтить, что въ странѣ, гордящейся своимъ организаторскимъ талантомъ, именно въ Германіи, не было вовсе издано по этому предмету никакихъ правилъ въ видѣ общаго наказа подлежащимъ властямъ. Причина теперь ясна и понятна. Очевидно имѣлось въ виду сохранять свободу выбора того, или другого направленія въ дѣятельности лицъ и учрежденій, приставленныхъ къ этому дѣлу.

Во Франціи, наоборотъ, уже въ 1893 году было издано общее положеніе о военноплѣнныхъ, проникнутое либеральными началами абсолютной гуманности.

Во время текущей войны контрастъ въ пріемахъ обращенія съ военноплѣнными въ этихъ двухъ странахъ оказался особенно разительнымъ. Франціи лишь послѣ долгихъ колебаній, внимая голосу настоятельной необходимости, пришлось прибѣгнуть къ тому международному директиву, на которомъ, по мнѣнію германцевъ, исключительно покоится санкція международнаго права.

Профессоръ Рено въ своемъ предисловіи къ офиціальному французскому изданію, посвященному сравнительному обзору положенія нѣмецкихъ плѣнныхъ во Франціи и французскихъ въ Германіи *), приводитъ любопытную выдержку изъ приказа Германскаго Главнаго Штаба, содержащую въ себѣ истолкованіе предѣловъ обязательности постановленій международныхъ соглашеній.

Вотъ что можно прочесть въ этомъ своеобразномъ приказѣ, опубликованномъ въ самомъ началѣ войны: «Не слѣдуетъ разумѣть подъ словами «право войны» какой либо писанный законъ, обязательный въ силу международныхъ трактатовъ, а только взаимныя соглашенія, соблюденіе коихъ не гарантируется никакой санкціей, кромѣ страха репрессій». Самая идея объ обязательной нравственности отвергнута начисто; только учетомъ возможныхъ репрессій должна руководиться воюющая сторона. Торжеству сильнаго оставлялось выявиться во всей безчеловѣчной наготѣ. Когда Германія и по отношенію къ французскимъ мирнымъ и военнымъ плѣнникамъ стала систематически примѣнять исповѣдуемые

---

*) «Le regime des prisonniers de guerre en France et en Allemagne en regard des conventions internationales». Paris 1916.

ею принципы, французское правительство вынуждено было заговорить о репрессіяхъ по отношенію къ плѣннымъ нѣмцамъ. Эта угроза, на ряду съ настойчивыми протестами разныхъ благотворительныхъ обществъ, французскихъ и нейтральныхъ, обществъ Краснаго Креста и дѣятельности испанскаго и американскаго посольствъ въ Берлинѣ по неослабной инспекціи лагерей французскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи, по словамъ проф. Рено, возымѣла нѣкоторое дѣйствіе. Достигнуты кое-какія улучшенія для военноплѣнныхъ французовъ, причемъ къ сколько нибудь суровымъ мѣрамъ по отношенію къ плѣннымъ Франція не прибѣгала.

О положеніи русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи и Австріи, которое, по свѣдѣніямъ Комиссіи, остается весьма плачевнымъ и о которомъ какъ-то мало до сихъ поръ думали въ Россіи, можно составить себѣ представленіе по страницамъ, которыя за симъ слѣдуютъ, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь о самыхъ трагичныхъ моментахъ въ жизни русскихъ плѣнныхъ. Подъ страхомъ истязаній и разстрѣла насиловали ихъ воинскую совѣсть, воинскую честь и естественное чувство любви къ родинѣ, принуждая ихъ работать для военныхъ цѣлей противъ своихъ же братьевъ и союзниковъ. Нарушеніе принциповъ не только международнаго, но и естественнаго права въ этомъ сказалось уже съ чудовищнымъ цинизмомъ.

Составъ Комиссіи:

Предсѣдатель, Кандидатъ правъ,
Присяжный Повѣренный *Н. П. Карабчевскій.*

Члены:
- Членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ *И. А. Шебеко.*
- Членъ Государственной Думы *Е. П. Ковалевскій.*
- Членъ Петроградской Судебной Палаты *В. Д. Олышевъ.*
- Прикомандированный къ Штабу Верховнаго Главнокомандующаго *С. Д. Боткинъ.*
- Членъ Одесскаго Военно-окружнаго Суда *А. И. Сѣмашко.*
- Судебный Слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ округа Петроградскаго Окружнаго Суда *Н. А. Машкевичъ.*

Русскіе плѣнные и военныя работы въ Германіи и Австріи.

Грустныя вѣсти о томъ, какъ живется нашимъ плѣннымъ въ Германіи и Австріи, продолжаютъ приносить возвращающіеся на родину инвалиды и бѣжавшіе изъ плѣна. Съ ихъ словъ писалось и говорилось много; полная страданій, мукъ, голода, холода и другихъ тяжкихъ испытаній жизнь нашихъ плѣнныхъ хорошо извѣстна.

За послѣднее время количество бѣжавшихъ изъ непріятельскаго плѣна значительно увеличилось. Подтверждая во всѣхъ подробностяхъ все то, что мы уже знаемъ о жизни нашихъ плѣнниковъ въ Германіи и Австріи, возвращающіеся нынѣ на родину съ исчерпывающею полнотою обрисовываютъ наиболѣе тяжелую сторону плѣна.

Тяжелая сторона плѣна, о которой главнымъ образомъ въ настоящее время свидѣтельствуютъ многочисленные допрошенные въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммиссіи бѣжавшіе изъ вражескаго плѣна нижніе чины и возвращенные на родину инвалиды, это примѣненіе труда военноплѣнныхъ къ работамъ, имѣющимъ военное значеніе.

Согласно признанному всѣми цивилизованными народами положенію международнаго права, плѣнные могутъ быть употреблены на работы съ цѣлью покрыть часть расходовъ на ихъ содержаніе, производимыхъ государствомъ, во власти котораго они находятся, но вмѣстѣ съ тѣмъ законы войны запрещаютъ принуждать военноплѣнныхъ къ поступленію на военную службу государства, гдѣ они удерживаются, или примѣнять ихъ трудъ къ работамъ, имѣющимъ военно-оборонительное значеніе, направленнымъ ко вреду ихъ отечества, или къ усиленію воинской мощи врага.

Это требованіе международнаго права, какъ и многія другія, игнорируется германцами и австрійцами. Въ началѣ войны случаи примѣненія труда плѣнныхъ къ военнымъ работамъ бывали рѣже, но когда резервы внутри непріятельскихъ странъ стали изсякать, когда на фронтъ было послано все, что въ состояніи носить оружіе, Германія и Австрія обра-

тились къ труду плѣнныхъ и широко пользуются имъ не только на заводахъ, изготовляющихъ оружіе, снаряды, патроны, динамитъ и удушливые газы, но и на боевомъ фронтѣ, заставляя плѣнныхъ рыть окопы, устраивать искусственныя загражденія, наводить понтонные мосты, подносить къ позиціямъ патроны, снаряды и пищевые продукты и даже служить въ обозахъ. Протесты русскаго правительства противъ незаконнаго образа дѣйствій оставались безъ послѣдствій, или въ лучшемъ случаѣ вызывали отвѣты, въ которыхъ голословно отрицался фактъ примѣненія труда военноплѣнныхъ къ работамъ военнаго значенія.

А между тѣмъ вотъ дословный переводъ приказа австрійскаго военнаго министра отъ Августа 1915 г.: «Военноплѣнными надлежитъ поль-«зоваться также и для производства работъ военно-оборонительнаго ха-«рактера. Военноплѣнные сначала приглашаются исполнить таковыя за «денежное вознагражденіе. Въ отношеніи тѣхъ, кои не пожелаютъ добро-«вольно откликнуться на предложеніе, должны быть использованы всѣ «мѣры убѣжденій, а въ случаѣ ихъ недѣйствительности—угрозы съ объ-«ясненіемъ тяжкихъ послѣдствій отказа. Наиболѣе упорствующіе нака-«зываются соотвѣтствующимъ числомъ палочныхъ ударовъ и подвѣши-«ваніемъ къ столбу до тѣхъ поръ, пока они не согласятся работать. Тѣ «плѣнные, которые своимъ примѣромъ и устнымъ воздѣйствіемъ вызовутъ «среди товарищей открытое возмущеніе или упорное пассивное сопро-«тивленіе, могутъ быть разстрѣлены».

Примѣненіе труда плѣнныхъ къ военнымъ работамъ въ Австріи подтверждается и инструкціей, которую видѣлъ и читалъ вернувшійся нынѣ изъ плѣна вольноопредѣляющійся рядовой 84-го Ширванскаго полка Василій Ивановъ Вощинскій. Въ этой инструкціи указано, какъ должно обращаться съ плѣнными на военныхъ работахъ на полѣ битвы и въ крѣпостяхъ на итальянскомъ фронтѣ. «Въ случаѣ отказа военноплѣнныхъ отъ работъ», говорится въ инструкціи, «надлежитъ сначала дѣйствовать «убѣжденіями, указывая, что работы эти направлены не непосредственно «противъ Россіи, а противъ итальянцевъ и что въ работахъ этихъ нельзя «усматривать измѣну присягѣ; если убѣжденія не подѣйствуютъ, отказы-«вающіеся должны быть подвѣшены и лишены пищи въ теченіе трехъ «дней, послѣ чего при дальнѣйшемъ отказѣ упорствующіе подлежатъ «разстрѣлу на глазахъ другихъ плѣнныхъ».

По показанію рядового 56 Сибирскаго стрѣлковаго полка Василія Федотова Мещерякова, въ лагерѣ Хайбергъ-Баденъ, послѣ отбытія перваго отряда русскихъ сестеръ милосердія, посѣтившихъ лагерь, повсюду были развѣшены отпечатанные на русскомъ языкѣ приказы, въ кото-

рыхъ доводилось до свѣдѣнія русскихъ плѣнныхъ, что послѣдніе не должны отказываться отъ военныхъ работъ, такъ какъ они временно состоятъ въ германскомъ подданствѣ и должны исполнять всѣ приказанія начальства.

То же подтвердилъ подпрапорщикъ 24-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Андрей Измайловъ Дождиковъ, удостовѣрившій при допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи, что въ лагерѣ, въ которомъ онъ содержался, было вывѣшено объявленіе на русскомъ языкѣ, которое гласило: «Многіе русскіе военноплѣнные отказываются отъ работъ военнаго «характера подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ по возвращеніи въ Россію «ждетъ разстрѣлъ. Между тѣмъ сестра милосердія Самсонова, на запросъ «по этому поводу германскихъ властей, отозвалась полнымъ незнаніемъ о «существованіи такого закона. Въ виду того, согласно международному «праву, германское правительство считаетъ своимъ долгомъ разъяснить, «что только тѣ военноплѣнные, которые будутъ помогать врагамъ своего «отечества съ оружіемъ въ рукахъ, подлежатъ разстрѣлу по приговору «отечественныхъ властей по окончаніи войны».

Д-ръ Крессонъ, работавшій въ качествѣ плѣннаго врача въ русскомъ отдѣленіи 129-го германскаго лазарета въ Ковно, сталъ наблюдать въ концѣ 1915 г. поступленіе въ лазаретъ значительнаго количества русскихъ плѣнныхъ, получившихъ разнообразныя поврежденія на военныхъ работахъ—при рытьѣ окоповъ, возведеніи искусственныхъ загражденій, службѣ во 2-омъ германскомъ обозѣ и т. п. Среди раненыхъ были люди, получившіе раненія при обстрѣлѣ русской артиллеріей работъ по наводкѣ германцами понтонныхъ мостовъ у города Двинска, къ каковымъ работамъ плѣнные принуждались угрозой разстрѣла.

Въ дѣлахъ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи имѣется письмо капрала 5-го французскаго инженернаго полка Андре отъ 12 Декабря 1915 г. на имя проживающей въ Петроградѣ Г-жи М. Въ этомъ письмѣ Андре сообщаетъ, между прочимъ, что однимъ изъ его товарищей по полку былъ взятъ въ плѣнъ русскій солдатъ, высланный германцами для рѣзки проволочныхъ загражденій, возведенныхъ французами. Андре кончаетъ свое письмо справедливымъ замѣчаніемъ: «при такихъ условіяхъ немногіе изъ этихъ несчастныхъ избѣгнутъ смерти».

Проживающій въ Швейцаріи Г. Декорзентъ писалъ посланнику въ Бернѣ слѣдующее:

«6-го числа текущаго мѣсяца во Франціи возвращалась партія французскихъ бѣженцевъ изъ департамента Маасъ. Вотъ что нѣкоторые «бѣженцы разсказывали во время остановки поѣзда на станціи Фрейбургъ

«и что я слышалъ собственными ушами. Близъ Этена находится около «500 русскихъ плѣнныхъ, которыхъ германцы принуждаютъ рыть траншеи. «Эти несчастные одѣты въ лохматья, босы; имъ даютъ лишь супъ изъ «свекольника. Всѣ плѣнные, бывшіе ранѣе видными и здоровыми «молодцами, представляютъ собою въ настоящее время движущіеся «скелеты. Всѣ они стали стариками вслѣдствіе мучительныхъ лише«ній и жестокаго съ ними обращенія. Жители—французы, видѣвшіе ихъ «страданія — полны жалости къ нимъ, они хотѣли-бы облегчить ихъ «тяжелое положеніе, готовы братски дѣлиться съ ними хлѣбомъ и скуд«ными припасами, но германскія власти жестоки къ каждому, кто пытается «облегчить невыносимо тяжелую участь Вашихъ соотечественниковъ: тотъ, «кто желалъ дать имъ деньги, пищу или одежду—немедленно подвергался «наказанію штрафомъ и тюрьмой. Къ животнымъ и то относятся лучше «и человѣчнѣе. Къ физическимъ страданіямъ присоединяются и нрав«ственныя пытки, такъ какъ русскимъ плѣннымъ, прикованнымъ къ «тяжкой работѣ на французскомъ фронтѣ, запрещаютъ писать письма «своимъ роднымъ».

Едва-ли въ виду приведенныхъ свидѣтельствъ можно вѣрить австро-германскимъ заявленіямъ, что пользованіе трудомъ плѣнныхъ для военныхъ работъ является «неслыханно грубымъ нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ правилъ международнаго права», *или никогда не допускаемымъ.*

Единогласнымъ показаніемъ всѣхъ допрошенныхъ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи бѣжавшихъ изъ плѣна и вернувшихся инвалидовъ установлено также, что германскія и австро-венгерскія власти, отправляя партіи военноплѣнныхъ изъ концентраціонныхъ лагерей на военныя работы, стараются маскировать свои распоряженія. На вопросъ плѣнныхъ, куда именно и на какія работы ихъ высылаютъ, плѣнные получаютъ неизмѣнно одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что ихъ везутъ на сельскохозяйственныя работы въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ усадьбахъ, и лишь на мѣстѣ назначенія плѣнные впервые узнаютъ о дѣйствительной цѣли ихъ отправки.

Опасаясь встрѣтить отказъ плѣнныхъ въ многотысячныхъ лагеряхъ, гдѣ такой отказъ могъ бы вызвать въ виду многочисленности отказывающихся нежелательныя, а быть можетъ и опасныя послѣдствія, враги наши предпочитаютъ разбивать плѣнныхъ на болѣе мелкія партіи, въ которыхъ всякая попытка къ активному или пассивному сопротивленію можетъ быть прекращена легко и быстро въ самомъ ея зародышѣ.

Затруднительно было-бы перечислить и указать всѣ виды работъ, которыя по характеру своему должны быть причислены къ военнымъ и къ

исполненію которыхъ враги привлекаютъ нашихъ плѣнныхъ. Достаточно остановиться на наиболѣе выдающихся и наиболѣе часто примѣняемыхъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, съ какою жестокою послѣдовательностью германцы и австрійцы эксплоатируютъ рабочую силу плѣнныхъ въ нарушеніе основного принципа международнаго и естественнаго права.

Работы на заводахъ и фабрикахъ.

Русскіе плѣнные, партіями въ 200—1000 и болѣе человѣкъ, высылаются изъ концентраціонныхъ лагерей на металлургическіе заводы, гдѣ имъ поручаются наиболѣе тяжелыя и грязныя работы. Такъ на заводѣ Эйсвеллеровскаго союза горнопромышленниковъ въ Альсдорфѣ, изготовлявшемъ для Круппа бензинъ и удушливые газы, было занято до 1200 русскихъ плѣнныхъ, на обязанности которыхъ было подносить и подвозить къ заводу все необходимое для производства сырье. На другихъ заводахъ плѣнныхъ заставляли первоначально собирать и выносить изъ заводскихъ помѣщеній мусоръ, а затѣмъ постепенно переводили на другія работы, требовавшія спеціальныхъ знаній и подготовки.

Плѣнные, отказывающіеся отъ работъ, подвергаютъ себя разнообразнымъ истязаніямъ и мученіямъ, до разстрѣла включительно. Въ Іюлѣ 1915 года, нынѣ вернувшійся на родину, ефрейторъ 21-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Ефимъ Романовъ Мельничукъ былъ въ числѣ ста человѣкъ отправленъ изъ лагеря Фридрихсфельдъ въ Рейнгаузъ, на заводъ Круппа. Узнавъ, что заводъ изготовляетъ предметы обороны, плѣнные отказались приступить къ работѣ. Когда убѣжденія и угрозы не помогли, германцы вывели плѣнныхъ на заводскій дворъ и продержали до вечера въ строю подъ палящими лучами солнца безъ пищи и воды; многіе, доведенные до полнаго изнеможенія, сдались, упорствующихъ же избили такъ жестоко, что нѣкоторыхъ избитыхъ пришлось немедленно отнести въ лазаретъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнныхъ увѣряли, что заводъ не участвуетъ въ работахъ на оборону, а исключительно изготовляетъ желѣзную проволоку для мирныхъ цѣлей. Простоявъ болѣе сутокъ на солнцѣ безъ пищи и питья и довѣряя увѣреніямъ заводской администраціи о дѣйствительномъ назначеніи завода, плѣнные встали на работу и въ теченіе двухъ недѣль лишь носили изъ складовъ желѣзо

и чугунъ. Случайно найденный однимъ изъ плѣнныхъ на заводскомъ дворѣ стаканъ отъ шрапнельнаго снаряда открылъ имъ глаза и плѣнные забастовали. Жестокіе побои палками и прикладами заставили нѣкоторыхъ возобновить работу. Мельничику и рядовому 6 артиллерійской бригады Тягунову, рѣшившимъ не подчиняться, было приказано безъ фуражекъ стоять на солнцепекѣ. Первые три дня Мельничукъ и Тягуновъ стояли на землѣ заводскаго двора, а послѣдующіе—на раскаленной солнечными лучами грудѣ чугуна. Въ теченіе дня не разрѣшалось не только присѣсть, но даже смѣнить ногу и всякая попытка измѣнить положеніе усталаго тѣла вызывала ударъ прикладомъ. Пищу давали два раза въ день въ самомъ незначительномъ количествѣ: не болѣе двухъ ложекъ супа и куска мяса, величиною въ грецкій орѣхъ. Чтобы усилить муки голода передъ Мельничукомъ и Тягуновымъ, для соблазна, ставили миску съ дымящимся супомъ и клали хлѣбъ. Тягуновъ вынесъ испытаніе пять дней и, совершенно обезсиленный, — уступилъ, Мельничукъ, оставшійся непреклоннымъ, на седьмые сутки упалъ, лишившись сознанія, и былъ затѣмъ отправленъ на желѣзнодорожную станцію для разгрузки вагоновъ съ коксомъ.

Партію русскихъ плѣнныхъ, по свидѣтельству ефрейтора 117 Ярославскаго полка Семена Иванова Кучерова, въ концѣ Декабря 1915 г. привезли на заводъ въ Дрангольцъ и первые дни заставили убирать и выносить мусоръ, а затѣмъ перевели въ снарядное отдѣленіе. Не желая принимать участіе въ работахъ, имѣющихъ военное значеніе, плѣнные отказались отъ нея и были жестоко наказаны: ихъ раздѣли до рубахи и держали, не смотря на значительный холодъ, трое сутокъ подъ открытымъ небомъ безъ всякой пищи.

Партію плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ рядовой 94 Енисейскаго полка Андрей Федоровъ Бобровъ, привезли въ Аахенъ на желѣзопрокатный заводъ. Зная, что заводъ работаетъ на оборону, плѣнные отказались отъ работъ и были за это избиты прикладами и палками; многіе получили тяжкіе ушибы и поврежденія, многіе были избиты до потери сознанія. Жестокая расправа не имѣла однако успѣха: плѣнные не измѣнили своего рѣшенія. Тогда нѣмцы подвергли ихъ новому, весьма мучительному, по словамъ Боброва, наказанію: каждаго по одиночкѣ ставили на 20—30 минутъ подъ душъ ледяной воды и прекращали истязаніе, когда плѣнный синѣлъ и коченѣлъ отъ холода. Видя, что и эта мѣра не можетъ заставить плѣнныхъ стать на работу, германцы перевели всю партію въ Салдау, гдѣ арестовали на тридцать сутокъ съ лишеніемъ пищи въ теченіе первыхъ пяти дней ареста.

Ефрейторъ 4 Сибирскаго стрѣлковаго полка Иванъ Корнѣевъ Слободчиковъ, впослѣдствіе бѣжавшій изъ плѣна и вернувшійся на родину, былъ въ числѣ другихъ доставленъ въ Штейнгардтъ, гдѣ его поставили на заводъ, изготовлявшій артиллерійскіе снаряды. Туда-же для той же цѣли было привезено нѣсколько плѣнныхъ французовъ и англичанъ. Отказавшихся отъ работъ, среди которыхъ былъ и Слободчиковъ, заперли въ карцеръ и въ сутки давали лишь по ломтику хлѣба. Когда измученные голодомъ арестованные криками отчаянія молили о кускѣ хлѣба или просили воды, германскіе часовые пріоткрывали дверь карцера, вставляли въ щель брандспойтъ и обдавали несчастныхъ струей холодной воды, послѣ чего дверь снова запиралась на замокъ.

10 Февраля 1915 года партія плѣнныхъ изъ лагеря Пархимъ была отправлена на одинъ изъ судостроительныхъ заводовъ. Нѣкоторые плѣнные отказались отъ работъ и въ наказаніе за ослушаніе были опущены въ погруженный въ воду кессонъ. Пять дней плѣнные, лишенные всякой пищи, коченѣя отъ холода, пробыли въ этой своебразной тюрьмѣ и, не будучи болѣе въ состояніи выносить страданія, уже теряя сознаніе, согласились работать. Лишь шестнадцать человѣкъ, съ рядовымъ 119 Коломенскаго полка Алексѣемъ Анисимовымъ Сикуновымъ во главѣ, рѣшили лучше умереть, чѣмъ измѣнить присягѣ и заявили, что на работу не выйдутъ. Совершенно обезсиленныхъ отъ голода ихъ вынули изъ кессона и отправили на работу по укрѣпленію песковъ, откуда Сикунову удалось бѣжать и вернуться въ Россію.

Въ Ноябрѣ 1916 г. пять русскихъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ за отказъ отъ работъ на снарядномъ заводѣ въ г. Ванъ были на двадцать минутъ загнаны въ горячую печь, гдѣ просушивались глиняныя формы для отливки различныхъ машинныхъ частей. Жара въ печи была нестерпимая; несчастные были извлечены изъ нея въ безсознательномъ состояніи и съ трудомъ приведены въ чувство. Объ этомъ жестокомъ наказаніи свидѣтельствуетъ подвергшійся ему рядовой 443 Харьковской дружины Пантелеймонъ Петровъ Литвиненко.

По показанію старшаго унтеръ-офицера 14-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Александра Романова Ляусова, въ Декабрѣ 1915 г. изъ числа плѣнныхъ въ лагерѣ Ванъ было выдѣлено около ста человѣкъ, которыхъ пригнали на заводъ, изготовлявшій динамитъ. Плѣнные отъ работъ отказались. Ихъ заперли въ баракъ, лишили пищи и въ продолженіе трехъ дней ежедневно спрашивали, согласны-ли они стать на работу и, въ виду категорическаго ихъ отказа, избивали кулаками, палками и прикладами. Не будучи въ состояніи сломить упорство плѣнныхъ, гер-

манцы отправили ихъ въ штрафной баракъ и подчинили строжайшему тюремному режиму.

Рядовой 225 пѣхотнаго Ливонскаго полка Ефремъ Никитинъ Голицинъ за отказъ отъ работъ на заводѣ, изготовлявшемъ артиллерійскіе снаряды, былъ избитъ до полной потери сознанія и отнесенъ въ лазаретъ, гдѣ оставался продолжительное время.

Сорокъ человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ рядовой 209 Богородицкаго полка Николай Мартыновъ Трофимовъ, отправленные на металлургическій заводъ въ Карлсруэ, по прибытіи на мѣсто, впервые узнали, что трудъ ихъ будетъ использованъ на изготовленіе ружейныхъ патроновъ и отточку штыковъ. Плѣнные заявили, что нѣтъ силы, которая заставила бы ихъ исполнять подобную работу. На этотъ разъ власти ограничились арестомъ на тридцать сутокъ съ уменьшеніемъ порціи ежедневно выдаваемой пищи.

Содержащихся въ Будапештѣ русскихъ плѣнныхъ, по словамъ старшаго унтеръ-офицера 1-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Николая Федорова Мищенко, послали на работу на желѣзо-дѣлательный заводъ. Увидя, что на этомъ заводѣ между прочимъ изготовляются снаряды для австрійской арміи, плѣнные отказались отъ работы и за это подверглись подвѣшиванію къ столбамъ и избіенію палками. Самъ разсказчикъ этого случая Мищенко былъ въ теченіе восемнадцати дней ежедневно подвѣшиваемъ къ столбу. Мѣры, принимаемыя австрійцами не имѣли успѣха и число отказывающихся отъ работъ ежедневно возростало. Прибывшій въ лагерь генералъ, чехъ по національности, вынужденъ былъ сдѣлать распоряженіе о переводѣ большинства плѣнныхъ въ другіе лагери. Послѣ отъѣзда генерала началась дикая расправа съ тѣми, которыхъ администрація лагеря считала зачинщиками безпорядковъ: двадцать человѣкъ было исколото штыками, изъ которыхъ восемь умерло.

Старшій унтеръ-офицеръ 13-го Бѣлозерскаго полка Григорій Трофимовъ Торошинъ, въ числѣ пятисотъ плѣнныхъ, былъ отправленъ въ Кобленцъ на заводъ, снабжавшій германскую армію орудіями и снарядами. Торошинъ категорически отказался принять участіе въ заводскихъ работахъ и заявилъ коменданту о незаконности такого требованія. Комендантъ изругалъ Торошина и въ наказаніе поставилъ на пять часовъ въ холодную воду. Торошинъ безропотно вынесъ наказаніе, но продолжалъ упорствовать. Увѣренія коменданта, что другіе русскіе плѣнные исполняютъ всѣ поручаемыя имъ работы, не сломили рѣшимости Торошина даже тогда, когда онъ, по приказанію коменданта, былъ доставленъ на ближайшій заводъ Круппа, гдѣ въ дѣйствительности засталъ за работой

плѣнныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ. Торошинъ вновь заявилъ коменданту, что изготовлять снаряды для вражеской арміи онъ считаетъ измѣной Россіи и предпочтетъ умереть, чѣмъ сдѣлаться измѣнникомъ. За это заявленіе Торошина ежедневно на нѣсколько часовъ подвѣшивали къ столбу и били прикладами, пока ему не удалось бѣжать изъ плѣна.

Въ городѣ Форель на гранатовый заводъ было прислано двадцать плѣнныхъ нижнихъ чиновъ и за отказъ отъ работъ ихъ лишили пищи, ежедневно заставляли бѣгать по плацу до полнаго истощенія, а падавшихъ отъ усталости избивали палками и прикладами. Нѣсколько дней плѣнные выдерживали это испытаніе, но обезсиленные голодомъ—сдались. Лишь пять человѣкъ продолжали упорно отказываться отъ работъ, за что были безжалостно избиты и посажены подъ арестъ въ холодный, сырой подвалъ. Черезъ нѣсколько дней къ арестованнымъ вошли пять германскихъ солдатъ съ револьверами въ рукахъ и подъ угрозою немедленнымъ разстрѣломъ заставили подчиниться приказанію выйти на работу. Объ изложенномъ случаѣ сообщили пережившіе эти тяжелые дни, бѣжавшіе нынѣ изъ плѣна, рядовые 86 Вильманстрандскаго полка Леонтій Ивановъ Бойковъ и 24 Сибирскаго стрѣлковаго полка Иванъ Ивановъ Рожковъ.

По словамъ рядового 20 стрѣлковаго полка Гавріила Самсонова Аксенко, онъ съ партіей плѣнныхъ былъ высланъ изъ лагеря Ванъ на патронный заводъ. Аксенко и два его товарища не только отказались отъ работъ, но энергично уговаривали и другихъ плѣнныхъ послѣдовать ихъ примѣру. За это Аксенко былъ раздѣтъ до рубахи и выставленъ «смирно» на 12 часовъ на заводскомъ дворѣ, не смотря на холодъ и падавшій снѣгъ. Вечеромъ Аксенко былъ взятъ подъ арестъ и лишенъ пищи. Видя, что никакія мѣры не могутъ заставить Аксенко измѣнить своему рѣшенію, германцы вернули его въ лагерь.

За отказъ отъ работъ на заводѣ Круппа плѣнныхъ подвергали самымъ разнообразнымъ истязаніямъ: ихъ били палками и прикладами, подвѣшивали къ столбамъ, лишали пищи, сажали подъ арестъ въ тѣсные, сырые и холодные подвальные карцера. Изобрѣтательность въ истязаніяхъ не знала предѣловъ.—Такъ, напримѣръ, отказавшихся отъ работъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ гоняли по лагерю съ мѣшкомъ песка за спиной. Въ мѣшокъ всыпали до полутора пудовъ и продолжительный, безпрерывный бѣгъ съ такою тяжестью быстро утомлялъ людей и вызывалъ у нихъ обильную испарину. Въ мокрыхъ отъ пота одеждахъ плѣнныхъ вводили въ баракъ, гдѣ была приготовлена холодная, какъ ледъ, вода, которую измученные жаждой глотали съ жадностью. Послѣ этого плѣнныхъ клали ничкомъ на полъ, предварительно облитый такой-же холод-

ной водой, или на нѣсколько часовъ выставляли на сквозной вѣтеръ, который пронизывалъ ихъ и заставлялъ дрожать отъ холода. Этому грозившему смертью истязанію въ числѣ другихъ были подвергнуты допрошенные по возвращеніи на родину рядовые Алексѣй Лелякинъ, Сергѣй Купріяновъ, Николай Гунько, Сергѣй Макаровъ и др.

Рядовой развѣдывательнаго отдѣленія при Штабѣ 5-й Арміи Вацлавъ Домановскій былъ взятъ въ плѣнъ во время развѣдки расположенія германскихъ войскъ. Благодаря статскому платью, въ которомъ былъ одѣтъ Домановскій, германцы не признали въ немъ русскаго солдата и какъ плѣннаго мирнаго жителя отправили въ глубь Германіи на сельскохозяйственныя работы; затѣмъ онъ поступилъ рабочимъ въ одно изъ провинціальныхъ отдѣленій завода Круппа. Здѣсь ему представилась возможность наблюдать обращеніе германцевъ съ русскими плѣнными, работавшими на заводѣ. Отношеніе было, по словамъ Домановскаго, чудовищно по своей жестокости: побои, часто имѣвшіе послѣдствіемъ полную потерю сознанія, были самымъ обычнымъ явленіемъ; плѣнныхъ забивали и на смерть. Особенною кровожадностью и безграничной жестокостью отличались мастера: Флихъ, Чумахенъ и Борущакъ.

Изъ лагеря Ванъ партія плѣнныхъ была выслана на заводъ, изготовлявшій снаряды для германской артиллеріи. Плѣнные отказались принять участіе въ работахъ, за что раздраженный отказомъ германскій лейтенантъ собственноручно избилъ ихъ и заперъ въ пустой сарай, предупредивъ, что они будутъ лишены свободы, хлѣба, пищи и воды до тѣхъ поръ, пока не согласятся стать на указанныя имъ работы. «Невыносимыя муки голода заставили насъ покориться», говоритъ бывшій въ этой партіи плѣнныхъ, нынѣ вернувшійся на родину, рядовой 30 Сибирскаго стрѣлковаго полка Иванъ Прокофьевъ Прокопенко.—

Рядового 21 Сибирскаго стрѣлковаго полка Маруцко германцы за отказъ отъ работъ на металлургическомъ заводѣ заперли въ подвалъ, въ который пустили струю удушливаго газа. Маруцко былъ извлеченъ изъ подвала уже въ безсознательномъ состояніи.

О выдающемся случаѣ жестокости германцевъ показалъ при допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи старшій ветеринарный фельдшеръ Штаба 6-й Сибирской артиллерійской бригады Антонъ Исидоровъ Масько.

Масько въ партіи изъ 30—40 военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ былъ высланъ изъ лагеря Фридрихсфельдъ на заводъ Круппа. По прибытіи на мѣсто, плѣнныхъ переодѣли въ особую одежду—синія брюки съ красными лампасами и такую-же куртку съ красной полосой въ доль спины

и поставили на работу. Когда плѣнные отказались, былъ привезенъ пулеметъ, взятъ на прицѣлъ и выстроеннымъ въ рядъ плѣннымъ было объявлено, что въ случаѣ повторенія отказа они будутъ поголовно разстрѣляны. Безвыходность положенія заставила большинство сдаться, но Масько и еще двое плѣнныхъ остались тверды въ своемъ отказѣ. Послѣ жестокаго избіенія палками и прикладами упорствующихъ разсадили въ темныя подвальныя каморки, въ которыхъ вода стояла на уровнѣ до 1½ аршинъ. Въ этой каморкѣ, лишенный возможности присѣсть хотя бы на самое незначительное время, Масько, стоя въ водѣ выше колѣнъ, провелъ безъ пищи двѣнадцать часовъ и былъ извлеченъ совершенно окоченѣвшій отъ холода почти въ безсознательномъ состояніи. Приведенному въ чувство Масько было предложено немедленно стать на работу. Отказъ подчиниться приказанію вызвалъ новые побои и новый арестъ, но уже въ другомъ, сухомъ помѣщеніи. Ежедневно Масько выводили на заводскій дворъ, ставили безъ шапки подъ открытымъ небомъ и германскіе часовые періодически подходили къ нему съ вопросомъ, согласенъ-ли онъ, послѣ всего перенесеннаго, начать работу. За отказомъ слѣдовали побои прикладомъ. Отъ частыхъ побоевъ тѣло Масько покрылось множествомъ ранъ, которыхъ однако никто не перевязывалъ и онѣ загноились. Послѣ семи дней испытаній Масько изнемогъ и былъ помѣщенъ въ особое отдѣленіе барака, гдѣ исключительно содержались изнуренные и обезсиленные голодомъ и побоями плѣнные, отказавшіеся отъ работъ.

Рядовой 13 Сибирскаго стрѣлковаго полка Николай Кондратьевъ Боковецъ былъ вмѣстѣ съ другими плѣнными отправленъ изъ лагеря Мюнденъ въ городъ Виттенъ, на снарядный заводъ. Часть плѣнныхъ, подъ вліяніемъ угрозъ, встала на работу, а отказавшихся, въ числѣ которыхъ былъ Боковецъ, подвергли разнообразнымъ мученіемъ: ихъ бросали въ глубокія ямы, въ которыхъ они едва не задохлись отъ какого-то зловонно-удушливаго газа, ставили передъ открытыми заводскими печами и держали до тѣхъ поръ, пока надѣтыя на нихъ желѣзныя колодки не накалялись отъ жары, лишали пищи, били и т. п. Одновременно германцы старались дѣйствовать и на психику плѣнныхъ: ихъ выстраивали передъ взводами германскихъ солдатъ, которые заряжали ружья на глазахъ плѣнныхъ и предупреждали послѣднихъ, что при дальнѣйшемъ отказѣ они будутъ немедленно разстрѣляны. Имъ завязывали глаза и начиналась послѣдовательная команда «разъ», «два». Плѣнные стояли въ ожиданіи неизбѣжной смерти и, крестились, слушая команду, но и послѣ команды «три» залпа не слѣдовало, и нравственно измученные люди возращались въ баракъ до слѣдующаго очередного испытанія.

Германскій офицеръ, который завѣдывалъ плѣнными, не разъ убѣждалъ ихъ подчиниться, указывая, что отказомъ они подвергаютъ себя тяжкимъ и продолжительнымъ истязаніемъ.

Въ Апрѣлѣ 1915 г. тотъ-же рядовой Боковецъ былъ посланъ на работу въ шахты. Считая, что добываніе каменнаго угля для нуждъ желѣзнодорожнаго движенія и для заводовъ, работающихъ на оборону, являются работами военнаго характера, Боковецъ отказался и его примѣру послѣдовали другіе плѣнные. Отказавшихся заперли въ помѣщеніе, гдѣ они проводили цѣлые дни, стоя голыми колѣнами на рубчатомъ полу. Ѣсть давали лишь столько, чтобы поддерживать жизнь. Въ жаркіе дни окна запирались наглухо, помѣщеніе безпрерывно топилось, и плѣнные изнемогали отъ жары; въ холодные дни помѣщеніе совсѣмъ не отапливалось, окна и двери открывались настежь. Черезъ мѣсяцъ такой пытки большинство плѣнныхъ заболѣло и было отправлено въ ближайшій лазаретъ, остальные послѣ двухъ мѣсяцевъ и тринадцати дней невыносимыхъ страданій были возвращены въ лагерь.

Весною 1916 года рядовой 41 Селенгинскаго полка Арсеній Федоровъ Наумовъ былъ въ числѣ семидесяти плѣнныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ отправленъ изъ лагеря Мюнстеръ въ Дюссельдорфъ на орудійный заводъ. Наумовъ на-отрѣзъ отказался принимать участіе въ работахъ и за это былъ поставленъ противъ раскаленной заводской печи, предназначенной для закаливанія проволоки. Отъ страшной жары Наумовъ сталъ терять сознаніе. Получивъ ударъ отъ подъбѣжавшаго къ нему часового, онъ упалъ на раскаленную до красна проволоку, причинивъ себѣ при паденіи глубокіе ожоги тѣла. Затѣмъ Наумовъ былъ отведенъ въ караульное помѣщеніе, гдѣ германскіе солдаты жестоко избили его, причемъ германскій унтеръ-офицеръ стискивалъ ему руками горло.

Возвращенный въ Россію инвалидъ Даніилъ Костинъ при допросѣ показалъ, что въ лазаретѣ въ городѣ Инстербургъ онъ встрѣтился съ русскимъ плѣннымъ, работавшимъ на германскомъ чугунно-литейномъ заводѣ. По словамъ этого плѣннаго германцы хотѣли заставить его принять участіе въ работахъ въ снарядовомъ отдѣленіи, а за отказъ раздѣли до гола и поставили между двумя раскаленными заводскими печами. Когда плѣнный въ изнеможеніи падалъ, его поднимали ударами приклада и вновь ставили между печами, и въ концѣ пытки голымъ выставили на нѣсколько часовъ на морозъ и затѣмъ избили до полной потери сознанія.

Работы на фронтахъ и въ тылу вражескихъ армій.

Для военныхъ работъ на фронтахъ германцы и австрійцы образуютъ изъ плѣнныхъ особые рабочіе баталіоны (Arbeitscommande), которые слѣдуютъ въ тылу каждой изъ дѣйствующихъ арміи и на обязанности которыхъ лежатъ возведеніе новыхъ, исправленіе старыхъ, разрушенныхъ артиллерійскимъ огнемъ, укрѣпленій, проведеніе желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, служба въ обозѣ въ качествѣ возчиковъ и нерѣдко обслуживаніе передовыхъ позицій.

Положеніе этихъ плѣнныхъ наиболѣе тяжкое. Они оторваны отъ концентраціонныхъ лагерей, къ которымъ приписаны, и поэтому не получаютъ съ родины ни писемъ, ни посылокъ. Они истомлены и физически и нравственно. Видъ этихъ плѣнныхъ, говоритъ Д-ръ Крессонъ, наблюдавшій ихъ въ Вержболово и Ковно, ужасенъ: они одѣты въ рубища, покрыты паразитами и, умирая, просятъ объ одномъ—о кускѣ хлѣба. Люди эти едва стоятъ на ногахъ, едва двигаются изнуренные непосильной работой и истощенные голодомъ. Это скелеты, обтянутые кожей, покрытые множествомъ гноящихся фурункулъ, сгорбленные, съ потухшимъ взоромъ, безразлично относящіеся ко всему, ихъ окружающему. Молодой солдатъ въ цвѣтущемъ 20—25 лѣтнемъ возрастѣ производитъ впечатлѣніе дряхлаго старика. Многіе опухаютъ отъ голода. При самой интенсивной работѣ ихъ кормятъ лишь разъ въ сутки, давая жидкую мучную похлебку съ небольшимъ кускомъ хлѣба; иные доходятъ до того, что уталяютъ нестерпимый голодъ палыми животными, вырывая ихъ изъ земли. Совершенно истощенные отсылаются въ лазареты, гдѣ большинство изъ нихъ умираютъ. Не мало ихъ гибнетъ отъ пуль и снарядовъ своихъ-же русскихъ или союзныхъ войскъ, такъ какъ ихъ стараются выставлять на самыя опасныя мѣста.

Значительное количество русскихъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были бѣжавшіе изъ плѣна канониръ Новогеоргіевской крѣпостной артиллеріи Федоръ Арсеньевъ Стадниковъ и ефрейторъ 453 пѣхотнаго полка Петръ Ивановъ Медвѣдевъ, были присланы въ Остенде для возведенія бетонныхъ площадокъ подъ тяжелыя орудія. Плѣнные отказались отъ работъ, какъ имѣющихъ исключительно военное значеніе, и, не смотря на трехъ-дневное лишеніе пищи и на то, что прибывшій во главѣ двадцати вооруженныхъ германскихъ солдатъ лейтенантъ грозилъ не только безжалостнымъ избіеніемъ, но и разстрѣломъ, не измѣнили своему рѣшенію. Германскіе солдаты набросились тогда на плѣнныхъ и насильно

выгнали ихъ на работу ударами штыковъ и прикладовъ. Во время этой безчеловѣчной расправы двое плѣнныхъ было забито на смерть. По окончаніи построекъ въ Остенде та же партія была переведена на берегъ моря, гдѣ продолжительное время была занята устройствомъ такихъ же площадокъ и установленіемъ на нихъ орудій, работая подъ обстрѣломъ англійской судовой артиллеріи. Желая окончить работу въ возможной скорости, германцы не давали отдыха плѣннымъ и въ теченіе долгаго рабочаго дня поощряли ихъ ударами палокъ и нагаекъ.

Въ Октябрѣ 1915 г., какъ показалъ унтеръ-офицеръ 143 пѣхотнаго Дорогобужскаго полка Михаилъ Родіоновъ Луневъ, партія плѣнныхъ въ 480 человѣкъ была выслана на французскій фронтъ къ Страсбургу для военныхъ работъ. Плѣнные отказались, заявивъ, что предпочитають смерть работамъ противъ нашихъ доблестныхъ союзниковъ—французовъ. За этотъ отказъ они были лишены пищи на четыре дня. На пятый день ихъ вывели изъ барака, выстроили рядами противъ трехъ пулеметовъ и предупредили, что они будутъ разстрѣляны, если по третьей командѣ не подчинятся и не станутъ на работу. Послѣ третьей команды плѣнные сняли фуражки и, крестясь, опустились на колѣни въ ожиданіи смерти. Видя, что сломить упорство плѣнныхъ невозможно, германцы перевели ихъ въ Салдау, гдѣ въ наказаніе за ослушаніе подвергли тридцати-дневному строгому аресту.

Отправленную изъ концентраціоннаго лагеря партію въ сто русскихъ плѣнныхъ привезли на французскій фронтъ и приказали возстановлять разрушенные окопы второй германской линіи. Голодомъ и побоями плѣнныхъ заставили подчиниться приказу; во время работъ снарядами французской артиллеріи было убито нѣсколько плѣнныхъ, въ томъ числѣ рядовой 4-го Капорскаго полка Василій Богдановъ. Объ этомъ случаѣ сообщилъ, при допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи, бѣжавшій изъ плѣна доброволецъ, рядовой 1-го Кавказскаго стрѣлковаго полка Владиміръ Матвѣевъ Кудрявцевъ.

Ефрейторъ 98 Юрьевскаго полка Иванъ Андреевъ Ситниковъ показалъ при допросѣ о случаѣ германской жестокости, свидѣтелемъ-очевидцемъ котораго онъ былъ и жертвою котораго сдѣлался его однополчанинъ Карпъ Черныхъ.

Присланные въ Мецъ для рытья окоповъ плѣнные единодушно отказались приступить къ работамъ, заявивъ, что «не будутъ рыть могилъ для своихъ братьевъ». Жестокими побоями, которыми нѣсколько человѣкъ были забиты на смерть, плѣнныхъ, однако, заставили подчиниться. Рядовой Карпъ Черныхъ упорствовалъ въ отказѣ даже тогда, когда его

до крови избили ременными погонами отъ винтовокъ. Окровавленнаго и избитаго почти до потери сознанія Карпа Черныхъ германцы опрокинули затѣмъ навзничь на землю и на грудь ему положили тяжелый желѣзнодорожный рельсъ. Дыханіе несчастнаго истязуемаго отъ давившей его грудь тяжести становилось все рѣже и онъ задыхался. Рельсъ былъ сброшенъ и въ ротъ едва дышавшаго человѣка была втиснута палка. Когда Черныхъ отъ новыхъ побоевъ впалъ въ безсознательное состояніе, его отнесли въ лазаретъ, гдѣ онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался.

Работавшій по уходу за больными и ранеными въ лазаретѣ въ Эггерѣ плѣнный русскій братъ милосердія Рафаилъ Бирманъ, впослѣдствіи бѣжавшій изъ плѣна, удостовѣрилъ на допросѣ, что во время служенія въ лазаретѣ ему неоднократно приходилось оказывать помощь русскимъ плѣннымъ, получившимъ тяжелыя раненія при работахъ на итальянскомъ фронтѣ, въ непосредственной близости отъ линіи огня. По разсказамъ раненыхъ значительное количество русскихъ плѣнныхъ, подъ угрозою тяжелыхъ наказаній и разстрѣла за ослушаніе, исполняютъ разнообразныя работы и на самомъ боевомъ фронтѣ.

Изъ лагеря для военноплѣнныхъ въ Клейнмюнхенѣ партія плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ унтеръ-офицеръ Кексгольмскаго полка Андрей Матвѣевъ Симаковъ, была спѣшно доставлена на итальянскій фронтъ, гдѣ плѣннымъ было приказано подносить къ позиціямъ снаряды и патроны. Плѣнные отказались отъ работъ и единогласно рѣшили не подчиняться приказанію врага. Австрійцы однако изобрѣли способъ принудить ихъ исполнить требуемое: они по ночамъ будили одиночныхъ плѣнныхъ, выводили ихъ изъ барака и ударами палокъ и прикладовъ заставляли носить боевые припасы.

Въ Іюнѣ 1915 г. русскіе плѣнные, по приказанію австрійцевъ, носили на передовыя позиціи колья и проволоку для искусственныхъ загражденій. Унтеръ-офицеръ Исаковскій отказался отъ работъ и за этотъ отказъ австрійскій офицеръ, на глазахъ другихъ плѣнныхъ, выстрѣлилъ въ Исаковскаго изъ револьвера и ранилъ его въ ногу.

Рядовой Антонъ Семененко, возвращенный изъ плѣна какъ инвалидъ, сооообщилъ при допросѣ, что въ бытность его въ лазаретѣ лагеря Альтдамъ, туда былъ доставленъ въ тяжеломъ положеніи и вскорѣ скончался рядовой одного изъ русскихъ пѣхотныхъ полковъ Илья Глушковъ. Послѣдній въ бесѣдѣ съ Семененко разсказалъ, что былъ въ числѣ другихъ плѣнныхъ отправленъ на русскій фронтъ для рытья окоповъ. Возмущенные незаконнымъ требованіемъ врага плѣнные отказались работать и не сдавались даже тогда, когда германцы для устрашенія стали

сѣчь розгами нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ на глазахъ остальныхъ. Убѣдившись, что и эта мѣра не можетъ сломить упорства и заставить плѣнныхъ подчиниться, германцы вывели ихъ на площадь и здѣсь началось поголовное жестокое избіеніе палками и прикладами. Многіе были избиты до потери сознанія, многіе забиты на смерть.

Значительная по численности партія плѣнныхъ была доставлена на итальянскій фронтъ для окопныхъ работъ, доставки провіанта и снарядовъ на передовыя позиціи и для подъема на горы орудій. Плѣнные отказались отъ работъ и за это подверглись побоямъ, подвѣшиванію къ столбамъ и лишенію пищи. Видя, что указанныя мѣры воздѣйствія въ дальнѣйшемъ безцѣльны, австрійскій лейтенантъ приказалъ силою гнать плѣнныхъ на работу, а упорствующихъ тутъ-же разстрѣливать. Во исполненіе этого приказанія часть плѣнныхъ была 10 Апрѣля 1916 г. ночью выгнана изъ барака ударами палокъ и ногаекъ, пригнана къ подножію горы, гдѣ стояли орудія, и подъ страхомъ немедленнаго разстрѣла было приказано подымать орудія на высоты. Подъемъ былъ крутой и вскорѣ плѣнные, совершенно выбившіеся изъ силъ, бросили работу и направились обратно къ своему бараку. Австрійскіе конвойные открыли огонь по уходящимъ и многіе были убиты или тяжело ранены.

За отказъ отъ подвоза и подноса къ передовымъ позиціямъ австрійцевъ снарядовъ и патроновъ рядовой 48 Сибирскаго стрѣлковаго полка Николай Трофимовъ Мягенькій былъ распятъ на нарахъ и оставленъ въ такомъ положеніи на всю ночь. «Распятіе» заключалось въ томъ, что наказываемаго клали на нары съ распростертыми руками и широко раздвинутыми ногами, которыя веревками притягивались къ четыремъ, вбитымъ въ нары, гвоздямъ.

Изъ лагеря Гаммерштейнъ въ Сентябрѣ 1916 г. около 2000 плѣнныхъ было выслано къ крѣпости Верденъ для работъ по укрѣпленіямъ. Плѣнные единогласно заявили, что не приложатъ рукъ къ работамъ направленнымъ противъ союзницы Россіи и остались тверды при этомъ рѣшеніи даже тогда, когда по приказанію и въ присутствіи германскихъ офицеровъ были безжалостно избиты. Видя, что побои, какъ мѣра воздѣйствія, не имѣютъ успѣха, германцы заперли всю партію въ небольшой баракъ и объявили, что плѣнные будутъ содержаться въ немъ безвыходно, безъ пищи и воды до тѣхъ поръ, пока не выразятъ согласія стать на работу. Шесть дней, страдая отъ голода и жажды, провели плѣнные въ баракѣ, но на седьмой день, когда германскій офицеръ сталъ соблазнять ихъ сытнымъ обѣдомъ, 150 человѣкъ не выдержало и сдалось. Остальныхъ, не желавшихъ подчиниться, подвергли новому избіенію, про-

должавшемуся до тѣхъ поръ, пока окровавленные, искалѣченные и измученные голодомъ люди не уступили предъявленному требованію.

Въ началѣ Ноября 1916 г. изъ того же лагеря плѣнные были отправлены на французскій фронтъ, гдѣ ихъ подъ ударами прикладовъ, нагаекъ и палокъ заставили рыть окопы. Вечеромъ, когда плѣнные, по окончаніи работъ, вернулись въ баракъ, германцы выдѣлили трехъ сибирскихъ стрѣлковъ, уговаривавшихъ своихъ товарищей отказаться отъ работъ, отвели ихъ на чердакъ барака и цѣпями приковали къ стѣнѣ. Очевидцу этой расправы, рядовому 151 Пятигорскаго полка Ивану Емельянову Жебурденку удалось бѣжать и дальнѣйшая участь прикованныхъ къ стѣнѣ стрѣлковъ ему не извѣстна.

27 Марта 1915 г., какъ удостовѣрилъ ефрейторъ 192 Рымникскаго полка Григорій Степановъ Гончаровъ, 500 русскихъ плѣнныхъ были высланы на румынскую границу, гдѣ имъ было приказано рыть окопы. Къ отказавшимся отъ работъ плѣннымъ вышелъ комендантъ, который, вызывая изъ строя каждаго десятаго, спрашивалъ его о согласіи стать на работу и всѣхъ, несогласившихся работать, отправлялъ въ городъ. Плѣнные не сомнѣвались въ томъ, что всѣ отдѣленные будутъ разстрѣлены. Остальныхъ заперли въ пустой сарай и въ теченіе сутокъ не давали никакой пищи. Видя, что голодъ не можетъ сломить плѣнныхъ, австрійцы разбили ихъ на мелкія партіи, выгнали въ поле и избили, при чемъ комендантъ съ нагайкой въ рукѣ лично принималъ участіе въ этомъ истязаніи. Избіеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока измученные и обезсилѣвшіе плѣнные не согласились уступить. Лишь шесть человѣкъ не измѣнили рѣшенію и были отдѣлены и куда то отправлены.

Рядовой 173 Каменецкаго полка Афанасій Ивановъ Стеценко былъ въ числѣ 500 человѣкъ высланъ изъ лагеря Эстергомъ на русскій фронтъ для военныхъ работъ. Послѣ отказа плѣнныхъ окружили германскіе солдаты и взяли ружья на изготовку. Плѣнные стали креститься, шепча молитвы, но продолжали стоять на отказѣ. Видя, что угроза немедленною смертью не можетъ заставить плѣнныхъ измѣнить своему рѣшенію, взбѣшенные австрійцы измыслили дикое издѣвательство надъ беззащитными людьми: ежедневно нѣсколько человѣкъ подвѣшивалось къ столбамъ, а остальныхъ, подъ ударами палокъ и ногаекъ, заставляли ползать вокругъ подвѣшанныхъ. Это издѣвательство, продолжавшееся ежедневно въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца, не заставило плѣнниковъ отказаться отъ принятаго ими рѣшенія.

По показанію рядового 47 Сибирскаго стрѣлковаго полка Максима Макарова Елецъ партія плѣнныхъ была выслана въ концѣ Мая 1915 г.

на берегъ рѣки Санъ для военныхъ работъ. Австрійскій офицеръ, выслушавъ заявленіе плѣнныхъ, что работу ко вреду русскихъ войскъ они считаютъ измѣной присягѣ, объявилъ, что голодъ заставитъ ихъ измѣнить свое рѣшеніе и подчиниться требованію. Послѣ этого плѣннымъ выдавали лишь по 1/8 фунта хлѣба въ сутки. Многіе не выдержали и послѣ нѣсколькихъ дней непосильнаго испытанія стали на работу. Болѣе стойкіе вынесли муки голода до тѣхъ поръ, пока ихъ, обезсиленныхъ, едва державшихся на ногахъ, не отправили обратно въ лагерь.

1 Октября 1915 г. рядовой 443 Харьковской пѣшей дружины Пантелеймонъ Клементьевъ Чубаненко съ партіей плѣнныхъ былъ выславъ для рытья окоповъ около гор. Митавы. За отказъ приступить къ работамъ плѣнныхъ помѣстили въ холодные вагоны и продержали въ нихъ подъ замкомъ четыре дня, лишивъ пищи. Тѣмъ не менѣе плѣнные, изнемогая отъ голода и жажды, не сдались и были переведены на постройку желѣзнодорожнаго пути.

При допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи младшій унтеръ-офицеръ 91 Двинскаго полка Степанъ Ивановъ Слезкинъ показалъ, что 500 русскихъ плѣнныхъ были высланы изъ лагеря Іозефштадтъ для окопныхъ работъ подъ Бѣлградомъ. За отказъ приступить къ работамъ плѣнныхъ раздѣли до рубахъ и, не смотря на значительный холодъ, продержали всю ночь (подъ Новый годъ) въ полѣ «смирно». Когда это истязаніе не сломило упорства плѣнныхъ, ихъ въ тѣхъ же рубахахъ вывели въ лѣсъ и стали поочередно подвѣшивать къ деревьямъ, добиваясь согласія стать на работу. Убѣдившись въ безрезультатности и этой второй пытки, австрійцы отдѣлили сорокъ человѣкъ, разложили ихъ на землѣ и стали бить палками по оголенному заду. Многіе послѣ этого заболѣли и какъ неспособные къ работѣ были отосланы въ лазаретъ, остальные стали на работу.

Рядовой изъ вольноопредѣляющихся, дворянинъ Василій Ивановъ Вощинскій черезъ двѣ недѣли послѣ плѣненія былъ отправленъ въ лагерь Книттенфельдъ-Штирмаркъ, гдѣ, благодаря знанію нѣмецкаго языка и медицины, былъ причисленъ къ амбулаторіи госпиталя и исполнялъ обязанности «медицинера». Вощинскому часто приходилось оказывать помощь военноплѣннымъ русскимъ, возвращавшимся съ итальянскаго фронта, гдѣ ихъ заставляли проводить шоссе, строить желѣзныя дороги, рвать скалы, устраивать искусственныя загражденія, рыть окопы и подносить провіантъ и снаряды на передовыя позиціи австрійцевъ. Возвращались наши военноплѣнные съ разнообразными внутренними заболѣваніями на почвѣ истощенія или съ травматическими повреждeніями, полученными

на работахъ. Насколько близко отъ линіи огня заставляли работать русскихъ плѣнныхъ, можно судить по тому, что нерѣдко въ лазаретъ доставлялись раненые итальянскими ружейными пулями.

3 Сентября 1915 г. изъ лагеря Терезіенштадтъ была выслана партія плѣнныхъ и доставлена на итальянскій фронтъ, гдѣ плѣннымъ были выданы инструменты для рытья окоповъ. Въ виду отказа плѣнныхъ австрійскій офицеръ велѣлъ подвѣсить одного изъ нихъ на глазахъ остальныхъ и предупредилъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго отказа такая же участь постигнетъ всѣхъ. Подвѣшаннаго держали у столба до тѣхъ поръ, пока онъ не лишился сознанія, и тѣмъ не менѣе плѣнные не измѣнили своего рѣшенія и категорически отказались рыть окопы.

Младшій унтеръ-офицеръ 237 Грайворонскаго полка Калиникъ Варфоломѣевъ Слиденко былъ въ числѣ тысячи другихъ отправленъ на работу въ Темишваръ. Здѣсь, по словамъ Слиденко, плѣнные были разбиты на отдѣльныя партіи по тридцати человѣкъ въ каждой, выведены въ поле и имъ было приказано рыть окопы. Несмотря на угрозу немедленнымъ разстрѣломъ, въ случаѣ отказа отъ работъ, плѣнные бросили лопаты. Ни предупрежденія, ни угрозы не помогли. Тогда ослушниковъ отвели въ сарай и продержали двое сутокъ безъ пищи и питья и на третій день вновь вывели въ поле для работы. Въ виду новаго отказа, десять унтеръ-офицеровъ были передъ фронтомъ плѣнныхъ высѣчены розгами настолько жестоко, что одинъ изъ нихъ тутъ же скончался. Приведенные въ ужасъ плѣнные уступили требованію и встали на работу.

30 Іюня 1915 г. большая партія плѣнныхъ была доставлена въ Галицію, въ мѣстечко Рудникъ, близъ Сана. Прежде всего плѣннымъ, по прибытіи ихъ на мѣсто, дали нѣсколько дней полнаго отдыха, а затѣмъ было приступлено къ постройкѣ бараковъ, въ которыхъ они должны были проводить ночи. Такое непривычно доброжелательное отношеніе къ плѣннымъ вызвало у послѣднихъ немалое удивленіе, которое возросло, когда стали выдавать прекрасную по качеству и обильную пищу. «Хлѣба и мяса давали вдоволь», говоритъ младшій унтеръ-офицеръ 173 Каменецкаго полка Ефимъ Дмитріевъ. Вскорѣ однако дѣло разъяснилось: плѣннымъ приказали рыть окопы противъ расположеній русскихъ войскъ. Послѣ категорическаго отказа австрійцы стали грозить разстрѣломъ и лишили плѣнныхъ пищи. Плѣнные твердо рѣшили умереть, но не подчиниться требованіямъ врага. Послѣ нѣсколькихъ дней голоданія, безропотно перенесенныхъ, австрійцы перевели плѣнныхъ на итальянскую границу, гдѣ примѣнили ихъ трудъ на работахъ по прокладкѣ желѣзной дороги.

20 Мая 1915 г. плѣнные изъ города Лаубана были привезены въ дер. Едлицы, въ пяти верстахъ отъ Калиша, и поставлены на работу по рытью окоповъ. Сознавая, что окопы воздвигаются въ цѣляхъ обороны отъ русскихъ войскъ, плѣнные отказались принимать участіе въ работахъ и жестоко за это поплатились: ихъ по четыре человѣка выводили изъ строя, клали ничкомъ на землю и избивали палками. Тѣмъ не менѣе и не смотря на то, что во время этой экзекуціи десять человѣкъ было забито на смерть, плѣнные остались тверды въ своемъ рѣшеніи.

Возвращенный въ Россію въ качествѣ инвалида, прапорщикъ 119 Коломенскаго полка Григорій Андреевичъ Зеленевъ представилъ въ распоряженіе Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи дознаніе о случаѣ жестокаго избіенія германцами русскихъ плѣнныхъ.

Дознаніе это въ виду выдающагося его интереса необходимымо привести цѣликомъ.

«Показанія военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ, входящихъ въ составъ упомянутыхъ 500 человѣкъ, находящихся въ деревнѣ Едлицъ».

«Въ городѣ Лаубанѣ, въ лагерѣ военноплѣнныхъ, 16 Мая 1915 г. послѣдовало приказаніе отъ завѣдующаго лагеремъ г. Гацермана (погонъ № 17) разбить всѣхъ оставшихся по національностямъ. Мы, русскіе воины, были оставлены въ лагерѣ въ числѣ пятисотъ человѣкъ: 13 подпрапорщиковъ, около 150 унтеръ-офицеровъ и остальные ефрейторы и рядовые. 17 Мая былъ смотръ одежды и обуви. 18 Мая былъ тѣлесный смотръ. 19 Мая было приказано приготовиться къ отъѣзду. Передъ отъѣздомъ намъ было объявлено чрезъ переводчика, что насъ отправляютъ въ другой лагерь. Дѣйствительно въ 12 ч. ночи на 20 Мая насъ отправили на станцію Лаубанъ. Въ 3 часа дня 20 Мая насъ привезли на станцію Плѣшинъ, гдѣ было приготовлено нѣсколько подводъ для вещей. Отъ станціи Лаубанъ до станціи Плѣшинъ насъ сопровождалъ конвой при одномъ офицерѣ (погонъ № 17), который сдалъ насъ другому офицеру (погонъ № 13), а конвойные остались прежніе. Въ деревнѣ Едлицъ насъ привели въ 7 часовъ вечера; деревня эта находится въ разстояніи 25 верстъ отъ станціи Плѣшинъ и въ пяти верстахъ отъ города Калиша. При деревнѣ Едлицъ уже были приготовлены для насъ 4 полотняныхъ палатки, огороженныя колючей проволокой. Насъ размѣстили по 125 человѣкъ въ каждой палаткѣ и сопровождавшій насъ конвой былъ смѣненъ новымъ (погоны №№ 19 и 20), который и охранялъ насъ до конца нашего пребыванія въ Плѣшинѣ. 21 Мая на автомобилѣ прибылъ офицеръ и приказалъ вывести людей купаться на рѣчку, на

одномъ берегу которой стоялъ врытый въ землю столбъ съ нѣмецкимъ орломъ, а на другомъ—съ русскимъ.

22 Мая, въ 8 ч. утра, пріѣхалъ тотъ-же офицеръ и приказалъ вывести 80 человѣкъ изъ палатки № 4. Люди были забраны и отведены неизвѣстно куда. Вслѣдъ за плѣнными шла команда нѣмецкихъ рабочихъ солдатъ, а за послѣдними шли двѣ повозки съ шанцовыми инструментами, колючей проволокой и деревянными молотками. Вблизи лагеря, въ домѣ мѣстнаго обывателя, находилась караульная гауптвахта. Въ 10 часовъ утра съ гауптвахты стремительно бѣжалъ конвой въ ту сторону, куда повели нашихъ 80 плѣнныхъ. Къ 12 часамъ дня, къ обѣду вернулись наши, нѣмецкая команда рабочихъ солдатъ и конвой. Наши плѣнные были огорчены, въ мрачномъ настроеніи духа, со слезами на глазахъ и разсказали намъ, что, придя въ поле, увидѣли значительное количество готовыхъ боевыхъ окоповъ и проволочныхъ загражденій, находившихся на самой русской границѣ. Плѣнныхъ раздѣлили на группы по нѣсколько человѣкъ и дали разные инструменты: кому лопату, кому кирку, кому топоръ и молотокъ, а нѣкоторыхъ заставили подносить колья и колючую проволоку. Плѣнные отказались и за это по приказанію офицера конвойные стали бить ихъ прикладами, но они старались исполнить свой долгъ и, несмотря на то, что нѣкоторые уже лежали на землѣ безъ чувствъ отъ побоевъ, не сдавались и нѣмцамъ не удалось принудить ихъ къ работѣ.

Послѣ обѣда фельдфебеля, посовѣтовавшись съ унтеръ-офицерами, доложили германскому офицеру, пріѣхавшему опять съ конвоемъ забирать людей на работу, что они на работу не пойдутъ, но офицеръ разогналъ фельдфебелей, не давъ никакого отвѣта, и приказалъ конвойнымъ выгнать на работу тѣхъ же людей. Мы согласились, что въ случаѣ если будутъ вновь гнать людей на работу, выйти изъ всѣхъ палатокъ и оказать сопротивленіе. Мы вышли. Изъ числа 80 человѣкъ рабочихъ вышелъ подпрапорщикъ 15 авіаціоннаго отряда и заявилъ офицеру, что плѣнные на работу не пойдутъ и присовокупилъ «убейте меня, но на работу я не пойду». По приказанію офицера одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ рядовой изъ конвоя стали бить подпрапорщика и онъ упалъ со словами «убейте, но работать не пойду». Удары палками посыпались еще болѣе ожесточенно; бросили бить лишь тогда, когда увидѣли, что избитый лишился сознанія. Когда начали бить подпрапорщика, офицеръ приказалъ всѣхъ разогнать по палаткамъ, а назначенные на работу восемъдесятъ человѣкъ оставались на мѣстѣ. Когда разогнали людей по палаткамъ, конвой сталъ звѣрски бить плѣнныхъ ружьями, а нѣмецкіе рабочіе

солдаты—палками. Послѣ избіенія на мѣстѣ осталось много поломанныхъ ружей и лежавшихъ безъ чувствъ людей. Послѣ этого нѣмецкій офицеръ приказалъ русскому подпрапорщику скомандовать людямъ, назначеннымъ на работу, «направо». Подпрапорщикъ не исполнилъ этого приказа. Въ это время конвой приступилъ къ избіенію всѣхъ восьмидесяти плѣнныхъ и билъ долго и жестоко. Послѣ команды переводчика 4 палатки плѣнные пошли на работу. Въ полѣ на работѣ повторилось тоже, что происходило до обѣда, съ одною лишь разницей, что вечеромъ, возвращаясь съ работъ, нѣкоторыхъ избитыхъ плѣнныхъ, которые уже не имѣли силы идти сами, несли на рукахъ. Когда плѣнные пришли съ мѣста работъ, офицеръ приказалъ собрать фельдфебелей и объявилъ, что плѣннымъ ужинъ не будетъ данъ. Около 9 часовъ вечера офицеръ опять пріѣхалъ въ лагерь и потребовалъ, чтобъ рабочіе пришли къ кухнѣ для полученія заработной платы за истекшій день по 15 пф. каждому, но люди отказались отъ денегъ. Офицеръ сталъ разъяснять законъ, который, по его словамъ, вошелъ въ силу 15 Мая и который гласилъ: 15 Мая с./г. было совѣщаніе всѣхъ государствъ, которое постановило, что плѣнные какъ русскіе, такъ и нѣмецкіе обязаны копать окопы, что нѣмецкіе плѣнные уже работаютъ окопы въ Россіи и что русскіе первые нарушили международное право. Офицеръ спросилъ насъ, не мало-ли онъ предложилъ намъ жалованья и не служитъ-ли плохая пища причиной нашего отказа отъ работы, мы отвѣтили отказомъ на всѣ его предложенія, заявивъ, что денегъ намъ не надо и что работать мы не будемъ, на что раздраженный офицеръ отвѣтилъ, что онъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобъ заставить насъ работать. Мы всѣ на это отвѣтили: «разстрѣляйте насъ, но мы работать не будемъ». Офицеръ приказалъ намъ разойтись, сказавъ: разстрѣливать васъ я не буду, но буду каждый день мучить и этимъ заставлю васъ работать. Мы рѣшили отказаться отъ пищи и не идти на работу. 23 Мая на приказаніе идти завтракать мы отказались. Въ 8 часовъ утра пріѣхалъ офицеръ и велѣлъ выгнать все тѣхъ-же 80 человѣкъ на работу. На работѣ повторилось тоже, что и въ предшествующіе дни. Съ работы вернулись около 12 часовъ дня, но отъ обѣда отказались. Около 2 часовъ дня прибылъ конвой подъ командою фельдфебеля и приказалъ людямъ изъ 3 палатки построиться для работы. Передъ этимъ люди 3 палатки рѣшили, въ случаѣ выгона ихъ на работу, выйти на дворъ, построиться, но со двора не уходить, а въ случаѣ избіенія лечь на землю. Провѣривъ людей, нѣмецкій фельдфебель скомандовалъ «направо», но люди не тронулись съ мѣста. Нѣмецкій унтеръ-офицеръ подскочилъ къ первому

ряду плѣнныхъ и сталъ бить ихъ палкой. Люди легли на землю и конвой сталъ бить всѣхъ прикладами и палками до тѣхъ поръ, пока нѣмецкій фельдфебель не скомандовалъ «встать». Люди встали, но снова по командѣ идти на работу не тронулись съ мѣста. По приказанію фельдфебеля конвойные снова стали бить и люди вновь легли на землю и ихъ били до тѣхъ поръ, пока опять приказали встать, но многіе уже встать не могли, такъ какъ лишились чувствъ. Тогда былъ вызванъ усиленный конвой, которому было приказано зарядить винтовки, и фельдфебель предупредилъ людей, что если они не пойдутъ на работу, то будутъ немедленно разстрѣляны. Послѣ команды «на право» мы однако не двинулись и громко заявили: «разстрѣляйте насъ, но на работу мы не пойдемъ». Послѣ этого нѣмецкій фельдфебель подходилъ къ каждому плѣнному съ вопросомъ: работать будешь? но каждый по очереди отвѣчалъ, что работать не будетъ. Тогда, по приказанію фельдфебеля плѣнныхъ стали бить въ третій разъ. Черезъ 20 минутъ принесли сырыя палки, пришла команда нѣмецкихъ рабочихъ солдатъ. Фельдфебель сталъ выводить по 4 человѣка изъ ряда плѣнныхъ къ вооруженнымъ палками восьми нѣмецкимъ рабочимъ и послѣ новаго отказа отъ работъ приказывалъ бить. Отъ сильныхъ ударовъ палки ломались, но ихъ тутъ-же замѣняли новыми. Въ 7 часовъ вечера всѣ плѣнные были избиты и на дворѣ лежало много людей, за которыми ухаживали фельдшера. Вечеромъ предложили ужинъ, но мы отъ него отказались.

24 Мая къ палаткамъ нѣмецкіе солдаты подносили завтракъ, обѣдъ и ужинъ, но, не давъ пищи, уносили ее обратно.

25 Мая плѣннымъ также не дали пищи. Около 10 часовъ утра пріѣхалъ офицеръ и приказалъ нашимъ фельдфебелямъ забрать вещи и отправилъ ихъ на подводахъ неизвѣстно куда, а намъ объявилъ, что фельдфебеля будутъ разстрѣлены, и если мы не согласимся работать, то и намъ будетъ то же, что фельдфебелямъ. Люди отвѣтили отказомъ и просили скорѣе избавить ихъ отъ мученія какимъ-бы то ни было способомъ. Къ намъ пріѣхалъ врачъ и пригрозилъ въ случаѣ дальнѣйшаго нашего отказа отъ ѣды—кормитъ насъ искусственно.

По отъѣздѣ нѣсколькихъ фельдфебелей оказалось, что они послали вмѣсто себя унтеръ-офицеровъ и остались съ нами для поддержанія духа людей.

26 Мая пища и хлѣбъ не выдавались. Въ 10 часовъ утра всѣмъ унтеръ-офицерамъ было приказано собрать свои вещи и выстроиться. Но не всѣ унтеръ-офицеры вышли изъ палатокъ, и нѣкоторые послали за себя рядовыхъ. Съ унтеръ-офицерами уѣхалъ и подпрапорщикъ Брат-

скихъ. Всѣхъ насъ, оставщихся унтеръ-офицеровъ, перевели въ помѣщичій сарай, который находился на окраинѣ деревни. Въ сараѣ мы переночевали, а утромъ 27 Мая прибыли за нами подводы, на которыхъ насъ привезли на станцію Плѣшинъ. Насъ было 136 человѣкъ. Со станціи Плѣшинъ насъ отправили въ лагерь Стрѣлково и заперли въ отдѣльный баракъ, который былъ огороженъ колючей проволокой, и приставили къ намъ четырехъ часовыхъ. По прошествіи 4 дней нашего пребыванія въ Стрѣлково, къ намъ изъ деревни Едлицы прибыло 5 человѣкъ, которые разсказали, чѣмъ кончилось дѣло съ нашими товарищами. По ихъ разсказу, черезъ два дня послѣ нашего отъѣзда, пріѣхалъ въ лагерь врачъ и спросилъ, будутъ ли плѣнные ѣсть пищу. Люди отказались. Тогда онъ приказалъ нѣмецкимъ солдатамъ кормить людей искусственно, т. е. вставляли въ ротъ резиновую трубку и накачивали молокомъ, но навстрѣчу молоку изо рта шла кровь. Когда мы еще находились въ сараѣ помѣщика, часовые сказали намъ, что въ лагерѣ уже четыре человѣка умерли отъ побоевъ и голода. Потомъ мы узнали, что умерло всего десять человѣкъ: Егоръ Павловъ (казакъ), Ипатъ Филипповъ (казакъ), Иванъ Шалетовъ, Николай Парфиловъ, Филиппъ Крестовъ, Иванъ Лознякъ, Іосифъ Нидицкій, Андрей Бренскій, Яковъ Балашевъ и Петръ Клименко.“

Подъ дознаніемъ имѣется подпись военноплѣнныхъ, которые были въ числѣ 500 въ лагерѣ при деревнѣ Едлица.

(Въ виду нахожденія подписавшихъ дознаніе лицъ въ германскомъ плѣну имена ихъ не могутъ быть оглашены).

Въ окрестностяхъ Калиша послѣ Св. Пасхи 1915 г. была прислана партія плѣнныхъ, которой было приказано забивать въ землю колья, предназначенные будто для разведенія «виноградника». Обманъ однако не удался: плѣнные поняли, что колья вбиваются для того, чтобы опутать ихъ колючей проволокой и устроить искусственное загражденіе. Не желая принимать участіе въ работахъ противъ русскихъ войскъ, плѣнные отказались, но подъ ударами штыковъ, прикладовъ, палокъ и нагаекъ сдались. Бывшіе въ партіи грузины рѣшили однако не уступать и на обращенное къ нимъ требованіе немедленно стать на работу отвѣчали дружнымъ отказомъ. Упорствующихъ привязали къ забору и били до тѣхъ поръ, пока они не согласились подчиниться требованіямъ. Тѣмъ не менѣе рядовой 142 Звенигородскаго полка Петръ Антоновичъ Гиголадзе продолжалъ отказываться отъ работы и былъ за это избитъ до полной потери сознанія. Отнесенный въ лазаретъ Гиголадзе пробылъ на излеченіи пять мѣсяцевъ и былъ затѣмъ возвращенъ на родину въ качествѣ инвалида, страдающаго туберкулезомъ.

Партія плѣнныхъ въ 500 приблизительно человѣкъ, какъ разсказываетъ канониръ Новогеоргіевскаго тяжелаго гаубичнаго дивизіона Исидоръ Викторовъ Филимонюкъ, была отправлена изъ лагеря Пархимъ къ Калишу. На вопросъ куда и на какія работы ихъ направляютъ, комендантъ лагеря отвѣтилъ, что плѣнные будутъ распредѣлены по помѣщичьимъ и крестьянскимъ усадьбамъ для сельско-хозяйственныхъ работъ. Лишь по прибытіи въ Калишъ плѣнные узнали о дѣйствительномъ назначеніи ихъ труда и отказались отъ рытья окоповъ. Германцы пытались уговорить ихъ подчиниться приказанію, указывая на тяжесть угрожающаго имъ за ослушаніе наказанія, но, видя безполезность уговоровъ и убѣжденій, прибѣгли къ болѣе сильнымъ мѣрамъ воздѣйствія: плѣнные были избиты такъ жестоко, что даже нѣкоторые изъ палачей бросили палки и винтовки, говоря, что человѣчнѣе было бы разстрѣлять людей, чѣмъ истязать ихъ такъ продолжительно и безжалостно. Избитые и израненные плѣнные тѣмъ не менѣе остались непреклонными и за это въ теченіе семи дней были лишены всякой пищи; двѣнадцать человѣкъ не выдержало испытаній и умерло отъ голода, остальные такъ ослабѣли, что для спасенія ихъ жизни пришлось прибѣгнуть къ искуственному питанію.

Характеренъ разсказъ бѣжавшаго изъ австрійскаго плѣна младшаго унтеръ-офицера 312 Васильковскаго полка Дмитрія Антонова Полтавцева.

Нѣсколько сотъ плѣнныхъ, выразившихъ желаніе идти на сельско-хозяйственныя работы, были вывезены изъ лагеря Терезіенштадтъ въ Галицію, въ мѣстечко Рудники, которое было настолько близко отъ русскаго фронта,что не только орудійная, но и ружейная перестрѣлка была отчетливо слышна. Плѣнные поняли, что они присланы на военныя работы, и отказались ихъ исполнять. Не прибѣгая къ обычнымъ мѣрамъ воздѣйствія, австрійцы роздали плѣннымъ инструменты и велѣли готовить и вбивать въ землю колья и столбы, увѣряя, что столбы эти предназначены для постройки барака. Внѣшній видъ, величина столбовъ и способъ ихъ разстановки ясно указывали на то, что они должны служить основой искусственнаго загражденія. Забастовка была отвѣтомъ на обманъ австрійцевъ. Желая убѣдить плѣнныхъ, что работа по возведенію окоповъ и искусственныхъ загражденій охотно исполняется другими русскими плѣнными, австрійцы вывели въ поле подпрапорщика Ткаченко, фельдфебеля Сѣркова и унтеръ-офицера Пѣтушкова и издали показали имъ толпу людей, рывшихъ окопы; за дальностью разстоянія не представлялось однако возможности установить, кто именно былъ занятъ работой—австрійцы или русскіе. Въ виду упорства плѣнныхъ они были отправлены на сербскую границу, гдѣ ихъ заставили дробить камни для укрѣпленій. Отказъ и

отъ этихъ работъ вызвалъ дальнѣйшій переводъ плѣнныхъ въ Тироль, гдѣ австрійцы вновь пытались поставить ихъ на военныя работы. Къ плѣннымъ вышелъ австрійскій штабъ-офицеръ въ сопровожденіи фельдфебеля, свободно говорившаго по-русски, и обратился къ нимъ со словами убѣжденія, уговаривая бросить упорство и стать на работу, направленную не противъ Россіи, и грозя, въ случаѣ повторнаго отказа, тяжкими наказаніями до разстрѣла включительно. Рѣчь австрійскаго офицера не имѣла успѣха и тогда девять человѣкъ изъ числа плѣнныхъ были тутъ же на глазахъ остальныхъ подвѣшаны къ столбамъ. Видя нестерпимыя муки товарищей и желая спасти ихъ отъ дальнѣйшихъ истязаній, а быть можетъ и смерти, плѣнные сдались за исключеніемъ 45 человѣкъ, которые продолжали упорно отказываться отъ работы. Боясь воздѣйствія этихъ сорока-пяти человѣкъ на остальныхъ, подчинившихся приказанію, австрійцы вернули ихъ въ лагерь, гдѣ они были подвергнуты полутора-мѣсячному аресту, при чемъ съ нихъ, не смотря на холодъ, сняли сапоги и верхнюю одежду и два раза въ недѣлю—по средамъ и пятницамъ—лишали всякой пищи. Выдержавшій всѣ описанныя испытанія унтеръ-офицеръ Полтавцевъ былъ затѣмъ отправленъ на работы въ Бѣлградъ, откуда ему удалось бѣжать и вернуться на родину.

Въ лагерѣ Терезіенштадтъ плѣннымъ было объявлено, что желающіе могутъ быть отправлены на сельско-хозяйственныя работы. Предпочитая жизнь на вольныхъ работахъ тяжелой жизни въ лагерѣ, около 500 человѣкъ немедленно же выразило свое согласіе и были увезены. Ихъ въ теченіе трехъ дней пути держали въ наглухо закрытыхъ вагонахъ и лишь по прибытіи на мѣсто плѣнные узнали, что ихъ привезли на берегъ рѣки Санъ, для возведенія укрѣпленій. Послѣ отказа принять участіе въ работахъ, направленныхъ противъ Россіи, австрійцы пробовали сломить упорство плѣнныхъ обычными пріемами: побоями, подвѣшиваніемъ къ столбамъ и лишеніемъ пищи. Когда всѣ эти мѣры были исчерпаны, къ плѣннымъ вышелъ австрійскій офицеръ и передалъ черезъ переводчика, что если плѣнные къ вторичному его приходу не одумаются и не согласятся стать на работу, всѣ они будутъ разстрѣляны. «По православному обычаю», говоритъ въ своемъ показаніи пережившій эти тяжелыя минуты рядовой Лохвицкаго полка Алексѣй Михайловъ Чернышевъ, мы переодѣлись въ чистое бѣлье, выстроились и въ молчаніи стали ждать вторичнаго прихода офицера. Послѣдній вскорѣ пришелъ, но видъ спокойно стоявшихъ и безропотно ждавшихъ смерти пятисотъ человѣкъ, повидимому, такъ поразилъ его, что онъ не привелъ

въ исполненіе угрозу и вся партія была отправлена въ гор. Комаровъ, гдѣ ее подвергли четырнадцатидневному аресту въ конюшнѣ, при чемъ плѣнные вынуждены были проводить дни и ночи на навозѣ.

Около 400 плѣнныхъ были высланы на румынскую границу и здѣсь отъ сопровождавшихъ ихъ конвоировъ узнали, что должны рыть окопы. Не смотря на угрозу разстрѣломъ, плѣнные единодушно отказались отъ работъ. Видя безуспѣшность уговоровъ и угрозъ, австрійскій лейтенантъ приказалъ плѣннымъ выстроиться передъ взводомъ солдатъ. Раздался первый залпъ, сдѣланный поверхъ головы плѣнныхъ; послѣдніе опустились на колѣни, сняли фуражки и запѣли молитву; лейтенантъ приказалъ прекратить пѣніе и предупредилъ, что при дальнѣйшемъ упорствѣ второй залпъ будетъ сдѣланъ въ плѣнныхъ и они будутъ разстрѣляны. Страхъ смерти заставилъ большинство подчиниться и лишь десять человѣкъ заявили, что не боятся смерти и на работу не пойдутъ. Ихъ немедленно же увели и дальнѣйшая ихъ судьба неизвѣстна.

27 Іюня 1915 года въ лагерѣ Бриксъ было выдѣлено пятьсотъ русскихъ военноплѣнныхъ и имъ было объявлено, что они будутъ отвезены на работу на сахарный заводъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности ихъ привезли въ мѣстечкѣ Рудники и послѣ высадки изъ вагоновъ оставили всю ночь подъ открытымъ небомъ безъ хлѣба и пищи. Утромъ было приказано нарубить и заготовить колья, а послѣ обѣда зарывать оставленные русскими войсками окопы. Русскія позиціи были въ непосредственной близости отъ мѣста работъ: слышна была перестрѣлка и на горизонтѣ высилась гора, занятая русскими войсками. Проработавъ день, плѣнные рѣшили отказаться отъ работъ и на слѣдующее утро, когда ихъ партіями по 25—30 человѣкъ стали выгонять на работу, отказались взять землекопные инструменты. Первой изъ отказавшихся отъ работъ партіи, въ которой между прочимъ былъ рядовой 257 пѣхотнаго Евпаторійскаго полка Иванъ Васильевъ Назаренко, было приказано встать спиною къ отряду австрійскихъ солдатъ, стоявшихъ съ заряженными винтовками. Плѣнные исполнили приказаніе, не сомнѣваясь, что будутъ немедленно разстрѣляны въ назиданіе и на глазахъ товарищей. Они сняли фуражки и стали осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Простоявъ въ ожиданіи залпа нѣсколько минутъ, Назаренко замѣтилъ, что всѣ остальные плѣнные сдались и ушли на работу. Къ нему подошелъ мадьярскій офицеръ и спросилъ: Что ты хочешь? «Убейте меня на мѣстѣ, но рыть окопы противъ своихъ не буду»—отвѣтилъ Назаренко. Раздраженный этимъ отвѣтомъ офицеръ нанесъ Назаренко сильный ударъ шашкою плашмя и отошелъ. Вечеромъ, когда плѣнные вернулись съ работъ, они были крайне

удивлены, заставъ Назаренко живымъ, такъ какъ у нихъ не было сомнѣнія въ томъ, что онъ за упорство поплатился жизнью. Примѣръ Назаренко придалъ новыя силы плѣннымъ и на слѣдующее утро они отказались выйти на работу. Тогда ихъ вывели на поляну, велѣли больнымъ выйти изъ строя и отойти, а остальнымъ было приказано; согласнымъ итти на работу, встать на одну сторону поляны, а нежелающимъ подчиниться— на другую. Сначало большинство плѣнныхъ переходило на сторону отказавшихся, но когда присутствовавшій австрійскій офицеръ вынулъ изъ кобуры револьверъ и сталъ грозить имъ, плѣнные дрогнули и число соглашавшихся работать стало быстро возрастать. Въ это время на поляну выѣхалъ разъѣздъ кавалеристовъ и видъ вооруженныхъ людей заставилъ большинство плѣнныхъ подчиниться. Упорствующихъ въ отказѣ осталось не болѣе 300 человѣкъ. Изъ нихъ восемь человѣкъ было отведено къ опушкѣ лѣса и подвѣшано на деревьяхъ; туда-же была подвезена кухня и плѣннымъ было приказано брать обѣдъ. Видъ привязанныхъ къ дереву и страдавшихъ товарищей подѣйствовалъ на плѣнныхъ и число согласившихся стать на работу еще увеличилось. Оставшихся при первоначальномъ рѣшеніи вновь вывели на поляну, было вывезено орудіе, снято съ передка и плѣнные, будучи убѣждены, что ихъ ждетъ разстрѣлъ орудійнымъ огнемъ, согласились подчиниться, за исключеніемъ восьмидесяти человѣкъ. Изъ послѣднихъ австрійцы выдѣлили подпрапорщиковъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и переводчиковъ и отправили подъ арестъ. Оставшіеся безъ руководителей плѣнные за исключеніемъ тринадцати человѣкъ согласились встать на работу при условіи, что арестованные ихъ старшіе товарищи будутъ немедленно освобождены. Когда арестованные вернулись, плѣнные были отведены на работу, а оставшіеся тринадцать человѣкъ были подвернуты аресту съ лишеніемъ всякой пищи. Черезъ два дня арестованныхъ вновь отвели въ лѣсъ и здѣсь имъ было объявлено, что по приказанію начальства они будутъ поочередно разстрѣляны. Еще трое не выдержало и сдалось, остальные десять со словами: «воля ваша, можете стрѣлять, а мы на работу не пойдемъ», рѣшились ждать смерти. Ихъ однако не разстрѣляли, а совершенно измученныхъ физически и нравственно вновь отправили подъ строгій арестъ, снявъ верхнюю одежду и оставивъ въ однѣхъ рубахахъ.

Партія плѣнныхъ была отправлена изъ лагеря Эстергомъ на берегъ рѣки Санъ для рытья окоповъ. Отказавшихся отъ работъ плѣнныхъ въ теченіе двѣнадцати дней подвергали побоямъ, подвѣшиванію съ столбамъ и лишенію пищи. Сорокъ человѣкъ не выдержало и было отправлено въ

ближайшій лазаретъ въ безсознательномъ состояніи, а остальныхъ согнали въ кучу и поверхъ ихъ головъ былъ данъ залпъ изъ винтовокъ. Когда и эта мѣра не могла заставить плѣнныхъ стать на работы, австрійцы перевели ихъ въ Тироль, гдѣ также предполагали воспользоваться ихъ трудомъ для военныхъ работъ, но и здѣсь, какъ на рѣкѣ Санъ, плѣнные отказались и были вновь подвергнуты разнообразнымъ истязаніямъ. Рядовые Иванъ Мордякъ и Семенъ Павловъ, наиболѣе энергично уговаривавшіе плѣнныхъ не подчиняться требованіемъ врага, были посажены подъ арестъ безъ пищи и питья въ ледникъ, откуда они на третій день были вынесены въ безсознательномъ состояніи, окоченѣвшіе отъ холода.

Въ Ноябрѣ 1915 г. партія плѣнныхъ, приведенная къ Тріенту, отказалась отъ работъ по возведенію искусственныхъ загражденій. Считая, что находившіеся среди плѣнныхъ шестнадцать унтеръ-офицеровъ являются главными зачинщиками и подстрекателями, австрійцы выдѣлили ихъ и заперли въ холодный, сырой подвалъ и въ теченіе шести дней на всѣхъ арестованныхъ давали не болѣе двухъ фунтовъ хлѣба въ сутки. Едва живымъ людямъ объявили, затѣмъ, что они будутъ выпущены при условіи не уговаривать плѣнныхъ къ отказу отъ работъ и что въ противномъ случаѣ они будутъ разстрѣляны. Голодъ и угрозы смертью не сломили рѣшимости унтеръ-офицеровъ и по освобожденіи они вновь стали доказывать товарищамъ незаконность требованій врага. Бывшій въ ихъ числѣ младшій унтеръ-офицеръ 206 пѣхотнаго полка Михаилъ Андреевъ Кобылянскій не могъ сообщить о дальнѣйшей участи плѣнныхъ товарищей, такъ какъ ему удалось бѣжать.

Объѣзжавшая германскіе лагери и рабочія мѣста сестра милосердія Е. М. Клюева сообщила между прочимъ, что одинъ изъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ съ нескрываемымъ негодованіемъ разсказалъ ей о случаѣ, свидѣтелемъ—очевидцемъ котораго онъ былъ: въ лагерѣ Вормсъ отказавшихся отъ отправки на французскій фронтъ русскихъ плѣнныхъ избили до потери сознанія. Лишившихся чувствъ подняли съ земли, связали, бросили на телѣги «какъ дрова», и русскіе-же плѣнные должны были, по приказу озвѣрѣвшихъ нѣмцевъ, вывести своихъ избитыхъ соотечественниковъ на желѣзнодорожную станцію.

Рядовой Александръ Гиджинскій, вернувшійся на родину въ качествѣ инвалида, находясь въ лагерѣ Мерзенбургѣ, слышалъ отъ двухъ нашихъ изувѣченныхъ воиновъ разсказъ о поражающемъ случаѣ германской жестокости. Партія плѣнныхъ была выслана на бельгійскую границу, гдѣ ихъ заставили рыть окопы для германскихъ войскъ. Всѣ безъ исключенія отказались отъ работъ и въ наказаніе были заперты во

второмъ этажѣ стараго деревяннаго зданія, окна котораго были задѣланы желѣзными рѣшетками. Не смотря на продолжительное голоданіе, плѣнные не подчинялись и тогда зданіе, въ которомъ они помѣщались, было подожжено нѣмцами. Большинство бывшихъ въ немъ плѣнныхъ погибло въ огнѣ, лишь немногимъ, успѣвшимъ выбить рѣшетку въ одномъ изъ оконъ, удалось спастись; при паденіи многіе получили переломы и вывихи конечностей и другія разнообразныя поврежденія. Въ числѣ изувѣченныхъ были тѣ двое, которые разсказали объ этомъ случаѣ рядовому Гидзинскому.

Въ Августѣ 1915 г., впослѣдствіи бѣжавшій изъ плѣна рядовой 7-го Стрѣлковаго полка Мартынъ Мартыновъ Вельковка былъ въ числѣ другихъ доставленъ на берегъ рѣки Сана для устройства проволочныхъ загражденій; за отказъ отъ работъ австрійцы продержали плѣнныхъ трое сутокъ безъ пищи подъ открытымъ небомъ, но, не добившись согласія, вынуждены были перевести ихъ съ русскаго на итальянскій фронтъ. Здѣсь плѣнныхъ поставили на работу по прокладкѣ дороги къ передовымъ позиціямъ и въ наказаніе за новый отказъ жестоко избили. Многіе были избиты до потери сознанія и унесены въ лазаретъ. Видя, что побои не могутъ сломить упорство плѣнныхъ, австрійцы стали подвѣшивать ихъ къ столбамъ и заперли въ столь тѣсномъ помѣщеніи, что плѣнные не имѣли возможности не только лечь, но даже сѣсть, вынужденные стоять вплотную другъ къ другу. Днемъ арестованныхъ выпускали на двухъ часовую прогулку, но и тогда австрійскіе часовые зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы никто изъ плѣнныхъ не присаживался ни на минуту; кормили при этомъ крайне скудно. Не добившись покорности плѣнныхъ, ихъ разослали по разнымъ мѣстамъ на сельско-хозяйственныя работы.

По свидѣтельству нѣсколькихъ нашихъ плѣнныхъ, вернувшихся въ Россію, мужественною стойкостью выдѣлился рядовой 82 Дагестанскаго полка Николай Алексѣевъ, находясь въ плѣну у австрійцевъ.—

Николая Алексѣева, вмѣстѣ съ другими нашими плѣнными, принуждали строить укрѣпленія и рыть окопы. Николай Алексѣевъ, зная, что работы направлены противъ Россіи, рѣшительно отказался принимать въ нихъ участіе. Всяческими мученіями и истязаніями пытались австрійцы заставить Алексѣева подчиниться ихъ требованію, но цѣли своей не достигли. Наиболѣе тяжкимъ мученіемъ, выпавшимъ на долю Алексѣева, было слѣдующее: его поставили на нѣсколько сложенныхъ кирпичей, прислонивъ спиною къ дереву и слабо привязавъ къ нему; затѣмъ крѣпко связали въ щиколкахъ обѣ ноги бичевкой и укрѣпили ее на вбитомъ въ дерево гвоздѣ.

Послѣ этого выбили кирпичи изъ подъ его ногъ и Алексѣевъ всею своею тяжестью повисъ на гвоздѣ. Такъ продержали его минутъ двадцать, причемъ австрійскій офицеръ, стоя съ револьверомъ въ рукѣ, грозилъ разстрѣломъ. Бичевка немилосердно рѣзала ноги пытуемаго. Зрѣлище было тягостное и отъ него отварачивались даже караульные австрійцы. Когда и послѣ этого Алексѣевъ отказался рыть окопы, его отвезли въ одинъ изъ высшихъ штабовъ для суда и посадили въ тюрьму. Мужество Алексѣева произвело сильное впечатлѣніе какъ на всѣхъ плѣнныхъ, такъ и на самихъ австрійцевъ. Офицеръ при тюрьмѣ, гдѣ содержался Алексѣевъ, выводя своихъ заключенныхъ, арестованныхъ за пьянство и т. п. проступки, ставилъ на лѣвый флангъ шеренги Алексѣева и, браня и укоряя своихъ австрійскихъ солдатъ, называя ихъ за недостойное поведеніе «внутренними врагами государства», ставилъ имъ въ примѣръ русскаго Алексѣева, проявившаго столько преданности родинѣ. По возвращеніи Алексѣева изъ заключенія, онъ снова отказался рыть окопы, несмотря на то, что австрійцы убѣждáли его, утверждая, что эти окопы не предназначены противъ русскихъ. Послѣ этого Алексѣева увезли въ лагерь для военно-плѣнныхъ и дальнѣйшая его участь неизвѣстна.

Въ распоряженіе Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи отдѣломъ о военноплѣнныхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ прислано письмо интернированнаго въ Швейцарію бельгійскаго унтеръ-офицера на имя русскаго посла въ Парижѣ. Письмо написано на французскомъ языкѣ и въ дословномъ переводѣ гласитъ:

«Господинъ посолъ! Честь имѣю довести до Вашего свѣдѣнія о «совершенномъ 2 Октября 1916 г. въ Мангеймѣ (въ Великомъ Герцогствѣ Баденъ) звѣрствѣ, гнуснѣйшемъ изъ всѣхъ, имѣвшихъ мѣсто.

«Около 26 Сентября въ Мангеймъ прибыла партія русскихъ плѣн- «ныхъ численностью до трехсотъ человѣкъ, среди которыхъ было «нѣсколько унтеръ-офицеровъ, съ французскаго фронта, гдѣ ихъ заста- «вляли работать на нашихъ враговъ. 1-го Октября по перекличкѣ всѣмъ «русскимъ плѣннымъ было объявлено, что рано утромъ слѣдующаго дня «они будутъ отправлены на сѣверъ Франціи. Русскіе, посовѣтовавшись «между собою, рѣшительно отказались, заявивъ, что работы на герман- «скомъ фронтѣ считаютъ работами, направленными противъ интересовъ «своего отечества. За этотъ отказъ русскихъ плѣнныхъ лишили пищи. «Хотя нашъ баракъ и былъ отдѣленъ отъ барака, въ которомъ жили «русскіе, заборомъ изъ колючей проволоки, намъ всетаки удалось пере- «дать послѣднимъ хлѣбъ, сахаръ, консервы и т. п. 2 Октября въ 4½ часа «утра часовые разбудили русскихъ и съ унтеръ-офицерами во главѣ

«собрали на лугу близъ барака. Тогда началась «Варфоломѣевская рѣзня». «Плѣннымъ предлагали одинъ лишь вопросъ, на который они должны «были отвѣтить «да» или «нѣтъ», а именно, вопросъ о томъ, согласны-ли «они итти на работу. Унтеръ-офицеры, проходя мимо германскаго лейте-«нанта, не выжидая вопроса, одинъ за другимъ громко кричали «нѣтъ». «Офицеръ жестомъ указывалъ палачамъ намѣченную жертву и эти звѣри «бросались на русскихъ унтеръ-офицеровъ, сшибали ихъ съ ногъ при-«кладами, сабельными ударами или просто ногами и затѣмъ избивали ихъ «на глазахъ остальныхъ плѣнныхъ. Ихъ кололи штыками въ спину, въ «ноги и заставляли кричать и корчиться отъ боли, надѣясь видомъ этихъ «мученій склонить плѣнныхъ къ покорности. Истязанія непрерывно про-«должались до 7 ч. 15 м. утра. Около шестидесяти человѣкъ, избитыхъ «и израненыхъ унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, было свалено въ «кучу и германскій офицеръ прошелся по тѣламъ несчастныхъ, нанося «удары саблей на право и на лѣво. Послѣ этого пять изъ числа наиболѣе «пострадавшихъ были за ноги оттащены къ бараку. Плѣнные, видя такую «безчеловѣчную расправу, не могли далѣе упорствовать и немедленно «были отправлены на работу. Раненые и избитые, которые не могли «болѣе ходить, были сложены на телѣги и отправлены вслѣдъ за партіей. «Во время доставки тяжело раненыхъ въ лазаретъ одинъ изъ плѣнныхъ «прислонился къ столбу для отдыха—столбъ немедленно окрасился «кровью. Генералъ, узнавъ о происшедшемъ, подвергъ и насъ (бельгій-«цевъ) наказанію за то, что мы громко выражали свое негодованіе «при видѣ этой гнусной работы нѣмцевъ. На слѣдующій день въ Ман-«геймѣ былъ изданъ приказъ, въ которомъ, на ряду съ сожалѣніемъ по «поводу бывшаго печальнаго происшествія, высказывалась похвала гер-«манскимъ солдатамъ, благодаря «хладнокровію» которыхъ оказалось «возможнымъ избѣгнуть болѣе прискорбныхъ событій. Нами было сдѣлано «все, чтобы помочь нашимъ братьямъ по оружію, но къ сожалѣнію воору-«женная сила взяла верхъ и принудила русскихъ плѣнныхъ измѣнить «своему первоначальному рѣшенію. Правдивость всего изложеннаго мо-«жетъ быть удостовѣрена показаніемъ многочисленныхъ свидѣтелей-оче-«видцевъ, интернированныхъ въ Швейцаріи».

Случаи переодѣванія плѣнныхъ въ форму германскихъ и австрій-скихъ солдатъ при военныхъ работахъ являются далеко не единичными. Въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи объ этомъ имѣются показанія многочисленныхъ свидѣтелей.

Подпрапорщикъ 105 Оренбургскаго полка Викторъ Фадѣевъ Абрам-чикъ показалъ, что въ концѣ 1915 г. въ лагерѣ Пархимъ германцы

переодѣвали русскихъ плѣнныхъ въ германскую военную форму и отправляли на французскій фронтъ для службы въ обозахъ и для рытья окоповъ.

Рядовой 10 Туркестанскаго полка Вячеславъ Петровъ Бѣляевъ удостовѣрилъ, что во время пребыванія въ плѣну находился въ лагерѣ Альтдамъ, откуда въ Октябрѣ 1915 г. германцы выслали двѣ тысячи русскихъ плѣнныхъ на болгарскій фронтъ рыть окопы, предварительно одѣвъ ихъ въ германскую военную форму.

Рядовой Л.-Г. Литовскаго полка Иванъ Цвѣтаевъ объяснилъ при допросѣ, что въ ночъ на 18 Іюля 1916 г. подъ Ковелемъ, находясь въ развѣдкѣ, подползъ къ непріятельскимъ окопамъ и замѣтилъ ставившую проволочныя загражденія группу нижнихъ чиновъ, одѣтыхъ въ германскіе шинели съ касками на головахъ. Увидѣвъ русскаго, двѣнадцать человѣкъ изъ этой партіи прибѣжали къ Цвѣтаеву и объявили, что они русскіе плѣнные солдаты и что германцы, высылая ихъ на работу, умышленно одѣли въ германскую форму, чтобы они не могли перебѣжать къ русскимъ, такъ какъ благодаря формѣ русскіе будутъ принимать ихъ за германцевъ и стрѣлять по нимъ. По словамъ того-же свидѣтеля 21 Іюля 1916 г. захвачено было 89 плѣнныхъ, также оказавшихся русскими нижними чинами, переодѣтыми въ германскую форму, которые разсказали, что германцы заставляли ихъ подъ огнемъ русской артиллеріи производить работы разнаго характера: рыть окопы, ставить проволочныя загражденія и подносить снаряды къ передовымъ позиціямъ.

Рядовой 186 Асландузскаго полка Александръ Николаевъ Поздняковъ, бѣжавшій изъ плѣна, показалъ, что въ Сентябрѣ 1915 г. въ лагерѣ, въ которомъ онъ содержался, мадьярскіе инструктора стали обучать партію русскихъ плѣнныхъ австрійскому военному строю, а 25 Сентября одѣли ихъ въ полное мадьярское снаряженіе—шинели и фуражки и подъ видомъ мадьярскихъ солдатъ отправили на италіанскій фронтъ. Когда партія покидала лагерь, остающіеся плѣнные кричали ей вслѣдъ: «братцы не забывайте Россіи»! Недѣли черезъ полторы двое изъ увезенныхъ, заболѣвшіе тифомъ, были возвращены въ лагерный лазаретъ и сообщили, что по прибытіи на итальянскую границу ихъ заставляли принимать участіе въ окопныхъ работахъ и въ виду отказа разстрѣливали каждаго пятаго изъ отказавшихся.

При допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи бывшій фельдшеръ 282 Александрійскаго полка Сергѣй Семеновъ Поводъ показалъ, что приблизительно около 15 Сентября 1915 года русскихъ плѣнныхъ, стали переодѣвать въ австрійскую военную форму и отправлять на

итальянскій и сербскій фронты, гдѣ заставляли подносить снаряды, рыть окопы и исправлять разрушенныя артиллерійскимъ огнемъ укрѣпленія. За отказъ отъ работъ плѣнныхъ били прикладами, кололи штыками, разстрѣливали каждаго десятаго иногда даже каждаго пятаго, или сажали въ тюрьму, гдѣ морили голодомъ до тѣхъ поръ, пока измученные люди не соглашались изъ за куска хлѣба идти на работу. Тотъ же фельдшеръ Поводъ удостовѣрилъ, что ему извѣстны случаи, когда австрійскіе летчики брали съ собою русскихъ плѣнныхъ татаръ и заставляли ихъ сбрасывать бомбы на сербскомъ фронтѣ.

Рядовой 192 Рымникскаго полка Гецель Моисеевъ Минкеръ удостовѣрилъ при допросѣ, что, находясь въ лагерѣ Еггеръ, видѣлъ партію плѣнныхъ, вернувшихся съ работъ на итальянскомъ фронтѣ. Всѣ вернувшіеся были одѣты въ формы австрійскихъ пѣхотныхъ войскъ.

Самоискалѣченіе, самоубійства и разстрѣлъ за отказъ отъ военныхъ работъ.

Чтобы не причинять вреда родинѣ, многіе плѣнные прибѣгали къ самоискалѣченію, самоубійству и шли подъ разстрѣлъ.

Въ Январѣ 1915 г., удостовѣряетъ въ своемъ показаніи старшій унтеръофицеръ 93 Иркутскаго полка Ѳома Степановъ Якутовъ, онъ былъ отправленъ въ мѣстечко Гуммерсборъ на чугунно-литейный заводъ, гдѣ его поставили дѣлать снаряды. Въ этомъ отдѣленіи работало до 30 русскихъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ. Онъ проработалъ два дня, но затѣмъ отказался и его въ наказаніе лишили пищи и ежедневно жестоко били. Такъ продолжалось три дня, по истеченіи которыхъ его отправили въ лагерь Ванъ. За нѣсколько дней до отправки одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ, какъ его звали и какой онъ былъ части онъ не знаетъ, тоже поставленный на выдѣлку снарядовъ и тоже отказавшійся отъ работъ, не могъ далѣе выносить голода и истязаній и, не желая, съ другой стороны, принимать участіе въ выдѣлкѣ снарядовъ для германской арміи, улучилъ минуту и подложилъ кисть правой руки подъ катившуюся вагонетку. Кисть руки ему раздробило, онъ сдѣлался калѣкой на всю жизнь и больше не работалъ.

Въ партіи плѣнныхъ, высланныхъ для военныхъ работъ на итальянскую границу, былъ вольноопредѣляющійся Ершовъ. Видя, что плѣнныхъ

побоями и разнообразными истязаніями заставляютъ носить колья и колючую проволоку для искусственныхъ загражденій, Ершовъ, не желая принимать участія въ работахъ, желѣзною лопатою отрубилъ себѣ пальцы ноги.

Бѣжавшій изъ плѣна младшій мастеровой 36-го Орловскаго полка Клементій Яковлевъ Яроменко былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая:

Партія плѣнныхъ была отправлена на работу на итальянскій фронтъ и поставлена на рытье окоповъ. За отказъ отъ работъ плѣнные подверглись продолжительному лишенію пищи и ежедневнымъ тяжкимъ побоямъ. Бывшій въ партіи рядовой 11 Сибирскаго стрѣлковаго полка Андрей Рожинъ, не желая подчиниться требованію врага и не будучи въ состояніи далѣе переносить истязанія, перерѣзалъ себѣ горло ножомъ и тутъ-же скончался на глазахъ своихъ товарищей по плѣну.

Рядовой 15 Сибирскаго стрѣлковаго полка Иванъ Ивановъ, будучи въ числѣ другихъ плѣнныхъ отправленъ изъ лагеря Фридрихсфельдъ на снарядный заводъ, отказался отъ работъ. Въ наказаніе Ивановъ былъ привязанъ къ заводской лѣстницѣ и выдержанъ въ такомъ положеніи безъ пищи два дня. Не желая уступать врагу и истощенный голодомъ, Ивановъ, пользуясь временной свободой, умышленно ожегъ себѣ кисть лѣвой руки и, какъ неспособный къ работѣ, былъ возвращенъ въ лагерь. Впослѣдствіи Ивановъ бѣжалъ изъ плѣна и вернулся въ Россію.

Въ концѣ Октября 1914 г. партія плѣнныхъ была выслана изъ лагеря Шнейдемюлле на русскій фронтъ для военныхъ работъ. За отказъ плѣнныхъ продолжительное время истязали и морили голодомъ, но видя, что всѣ эти мѣры безполезны, германцы прибѣгли къ крайнему средству: на глазахъ плѣнныхъ двое изъ нихъ были разстрѣляны.

Объ этомъ случаѣ сообщилъ бѣжавшій изъ плѣна очевидецъ казни рядовой 204 Ардаганъ-Михайловскаго полка Григорій Федоровъ Барановъ.

12-го Мая 1916 года въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи былъ допрошенъ рядовой 88-го Петровскаго полка Рувимъ Зиновьевъ Гердель, который показалъ, что плѣнныхъ изъ лагеря Ордруфъ обычно отправляли на французскій фронтъ. Лежа въ лазаретѣ въ Ордруфѣ съ русскимъ плѣннымъ Чумаченко, бывшимъ на работахъ на французскомъ фронтѣ, Гердель узналъ, что германцы заставляютъ русскихъ работать въ такой близости отъ передовыхъ позицій, что надъ ихъ головами рвутся французскіе снаряды. Въ Августѣ 1915 г. изъ Ордруфа, между прочимъ, былъ отправленъ рядовой 142 Звенигородскаго полка Иванъ Яковлевъ Колпаковъ. Въ Ноябрѣ 1915 г. германскій фельдфебель объявилъ въ лазаретѣ, что Колпаковъ умеръ. У Герделя сохранилась фотографическая карточка товарищей по 1-й ротѣ Ордруфскаго лагеря. Когда

Гердель показалъ карточку, на которой былъ изображенъ и Колпаковъ, рядовому Чумаченко, послѣдній разсказалъ подробности смерти Колпакова. По словамъ Чумаченко онъ работалъ въ одной партіи съ Колпаковымъ на французскомъ фронтѣ. Однажды утромъ русскіе плѣнные отказались итти на работу—рыть окопы и подвозить строительный матеріалъ. Тогда германскій офицеръ раздѣлилъ плѣнныхъ по 20 человѣкъ въ партіи и выстроилъ на площади. Крайними правофланговыми оказались Колпаковъ и Чумаченко. Когда на вторичное предложеніе встать на работу плѣнные отказались, офицеръ выхватилъ револьверъ и, пустивъ въ Колпакова три пули, шашкой поранилъ еще нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и Чумаченко.

Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіей установлено, что убитый Колпаковъ уроженецъ Воронежской губ., Острожскаго уѣзда, деревни Трехетлина.

Старшій унтеръ-офицеръ Л.-Г. Финляндскаго полка Григорій Пантелеевичъ Соловьевъ показалъ о слѣдующемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто на сербской границѣ. Около 1000 русскихъ плѣнныхъ были высланы изъ лагеря и доставлены на сербскую границу, гдѣ имъ было приказано немедленно стать на работу по рытью окоповъ. Когда плѣнные отказались отъ работъ и были безрезультатно исчерпаны убѣжденія, уговоры и угрозы, австрійскій офицеръ приказалъ всѣмъ плѣннымъ выйти на площадь и объявилъ, что въ наказаніе за ослушаніе они будутъ разстрѣляны. Одинъ изъ плѣнныхъ замѣшкался при выходѣ изъ барака, офицеръ сталъ на него кричать, а затѣмъ выстрѣломъ въ голову изъ револьвера убилъ на поваль; потрясенные безпричинной и неожиданной смертью товарища плѣнные встали на работу.

Старшій унтеръ-офицеръ 21 Муромскаго полка Василій Федоровъ Силашинъ былъ, въ числѣ семидесяти двухъ человѣкъ, высланъ изъ лагеря Бриксъ на румынскую границу для военныхъ работъ. Плѣнные заявили, что не будутъ рыть окопы для австрійскихъ войскъ и за это были посажены подъ арестъ въ тѣсномъ сарайчикѣ, причемъ въ теченіе пяти дней не получали пищи. Совершенно измученные голодомъ плѣнные, за исключеніемъ восьми человѣкъ, сдались и заявили готовность стать на работу. Восемъ человѣкъ остались непреклонными и были тутъ-же, на глазахъ Силашина и остальныхъ плѣнныхъ, разстрѣляны.

Вольноопредѣляющійся 13 гусарскаго Нарвскаго полка Борисъ Николаевичъ Мясоѣдовъ при допросѣ его Членомъ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи показалъ, что въ концѣ Іюля 1915 г. партія плѣнныхъ была приведена въ Дутовліе на работы; не смотря на вопросы плѣнныхъ,

имъ не было объявлено, какая именно работа будетъ производиться. По прибытіи въ Дутовліе среди плѣнныхъ пронесся слухъ, что ихъ заставятъ рыть окопы въ защиту австрійской территоріи отъ наступленія итальянскихъ войскъ. Не желая участвовать въ возведеніи укрѣпленій противъ нашихъ союзниковъ, плѣнные не встали на работу и рядовой 130 пѣхотнаго Херсонскаго полка Дмитрій Старовѣровъ вызвался объяснить австрійскому офицеру причину такого поведенія плѣнныхъ. Старовѣровъ черезъ переводчика сказалъ офицеру, что присяга на вѣрность Родинѣ обязываетъ каждаго солдата до послѣдней капли крови не измѣнять отечеству и не дозволяетъ чѣмъ либо способствовать усиленію мощи врага; что Италія союзница Россіи, и поэтому всякія работы, направленныя противъ нея, плѣнные считаютъ измѣной присягѣ и просятъ не принуждать ихъ рыть окопы и возводить укрѣпленія противъ итальянскихъ войскъ и просятъ, какъ милости, перевести ихъ на другія, хотя бы самыя тяжелыя работы. Старовѣровъ былъ по приказу офицера отведенъ въ сторону и немедленно разстрѣлянъ на глазахъ остальныхъ плѣнныхъ. Нѣсколько человѣкъ было затѣмъ подвѣшено къ столбамъ, а остальныхъ окружили австрійскіе солдаты и плѣннымъ было объявлено, что они будутъ стоять подъ открытымъ небомъ безъ пищи до тѣхъ поръ, пока не подчинятся требованію и не встанутъ на работу. Плѣнные, однако, не сдались; простояли до вечера и вынудили австрійцевъ перевести ихъ въ другое мѣсто на постройку желѣзной дороги.

Передъ Рождествомъ 1915 г., свидѣтельствуетъ въ своемъ показаніи рядовой 278 Кромскаго полка Михаилъ Михайловъ Косолаповъ, партія плѣнныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ, въ числѣ около двухъ тысячъ, была отправлена изъ лагеря Гейлсбергъ въ Двинскій раіонъ для рытья окоповъ. Плѣнные дружно отказались отъ работъ, направленныхъ во вредъ русской арміи. За отказъ германцы стали разстрѣливать, упорствующихъ мучить голодомъ, побоями и пытками, причемъ до 50 человѣкъ было разстрѣляно и забито на смерть и 150 человѣкъ болѣе или менѣе тяжело ранено. Самого Косолапова сѣкли розгами до потери сознанія.

Ефрейторъ 71-го Бѣлевскаго полка Николай Онисимовъ Стрижаковъ былъ очевидцемъ разстрѣла четырехъ русскихъ военноплѣнныхъ за отказъ отъ работъ.

Въ Октябрѣ 1915 г., въ бытность Стрижакова въ лазаретѣ, въ гор. Доцмо, въ Тироли, прибыло около 1500 русскихъ плѣнныхъ, отказавшихся отъ работъ на итальянскомъ фронтѣ. Прибывшихъ помѣстили въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, шагахъ въ ста отъ лазарета. Незначительное по

своей площади мѣсто, куда загнали плѣнныхъ, было окружено изгородью изъ колючей проволоки и въ продолженіе четырехъ дней плѣннымъ, лишеннымъ всякой пищи, не разрѣшалось не только прилечь, но и садиться. Австрійскіе часовые входили въ огороженное мѣсто и послѣ безпощаднаго избіенія подвѣшивали къ столбамъ нѣсколько человѣкъ на глазахъ остальныхъ. Этими мѣрами воздѣйствія австрійцамъ удалось сломить упорство тысячи плѣнныхъ, которые, истомленные голодомъ, согласились подчиниться. Остальные пятьсотъ человѣкъ, не смотря на уговоры и угрозы, продолжали отказываться отъ участія въ военныхъ работахъ и по распоряженію австрійскаго офицера четверо изъ нихъ—одинъ подпрапорщикъ, два унтеръ-офицера и одинъ рядовой—были отведены къ опушкѣ ближайшаго лѣса для разстрѣла. Наблюдавшій за казнью изъ окна лазарета Стрижаковъ видѣлъ, что плѣнные были убиты выстрѣлами изъ револьверовъ въ упоръ, при чемъ разстрѣлъ производился двумя офицерами и двумя унтеръ-офицерами австрійской арміи.

Потрясающее впечатлѣніе производитъ разсказъ мастерового старшаго разряда 6-го Туркестанскаго полка Моисея Беркова Котляра и рядового 186-го Асландузскаго полка Федора Павлова Сиваева, на глазахъ которыхъ въ крѣпости Монмеди былъ разстрѣлянъ рядовой Иванъ Яковлевъ Костылевъ, уроженецъ Самарской губерніи, Богульминскаго уѣзда, Сорочинской волости.

Дисциплинарный баталіонъ, въ который главнымъ образомъ зачислялись покушавшіеся на побѣгъ русскіе плѣнные и въ которомъ числились Котляръ и Сиваевъ, былъ расположенъ въ казематахъ крѣпости Монмеди. Первоначально плѣнные были заняты работами въ крѣпости и на станціи желѣзной дороги по разгрузкѣ вагоновъ, но 28 Декабря 1915 г. имъ неожиданно было приказано перегружать артиллерійскіе снаряды изъ вагоновъ ширококолейной желѣзной дороги на узкоколейную, проведенную къ позиціямъ. Считая эту работу исключительно военной, вредящей интересамъ нашихъ союзниковъ—французовъ, плѣнные отказались отъ нея и за это были подвергнуты четырнадцати-дневному аресту въ абсолютно темномъ карцерѣ при полномъ почти лишеніи пищи. На пятнадцатый день плѣнныхъ вывели на площадь, выстроили и подошедшій къ нимъ генералъ обратился съ рѣчью, въ которой доказывалъ безполезность упорства, и угрожалъ разстрѣломъ, если плѣнные не пойдутъ на работу. Молчаніе было отвѣтомъ на рѣчь генерала. Крайнимъ на флангѣ выстроенныхъ въ рядъ плѣнныхъ стоялъ рядовой Илья Костылевъ, который, на обращенный къ нему вопросъ о готовности итти на работу,

отвѣтилъ генералу: «пусть мои товарищи дѣлаютъ, что хотятъ, но я работать не буду». По приказанію генерала, Костылевъ былъ тотчасъ-же отведенъ къ крѣпостному валу, ему были завязаны глаза и противъ него было выстроено шесть германскихъ солдатъ съ винтовками. Передъ разстрѣломъ Костылевъ просилъ разрѣшить ему проститься съ товарищами, но генералъ обругалъ его «русской свиньей» и отказалъ въ просьбѣ. На вторичный вопросъ о согласіи подчиниться приказанію и стать на работу—Костылевъ снялъ фуражку, перекрестился, сталъ на колѣни, скрестилъ руки на груди и, молитвенно опустивъ голову, молча сталъ ждать смерти. Комендантъ далъ сигналъ, раздался залпъ шести винтовокъ и Костылевъ упалъ съ раздробленнымъ черепомъ. Послѣ разстрѣла Костылева генералъ подошелъ къ слѣдующему фланговому плѣнному и, указывая на трупъ разстрѣленнаго, повторилъ вопросъ. Потрясенный зрѣлищемъ казни, при видѣ которой впалъ въ смущеніе даже конвой, измученный нравственно и физически плѣнный не смогъ упорствовать и согласился итти на работу. За нимъ пошли и всѣ остальные.

На площади города Бреннербадъ, въ Тироли, противъ зданія гостиницы, стоитъ деревянный крестъ съ надписью: «1 Іюня 1915 г. здѣсь умерли четыре русскихъ нижнихъ чина. Миръ и покой»!

Подъ этимъ крестомъ погребены русскіе воины *Иванъ Тимофеевъ Нищенко*—уроженецъ Херсонской губерніи, Александровскаго уѣзда, Посадо-Прагской волости, посада Прага, *Федоръ Лунинъ*—Курской губерніи, Староосколькаго уѣзда, Скороденской волости, *Иванъ Катаевъ*—Воронежской губерніи, Новохоперскаго уѣзда, Верхне-Корчанской волости и *Филиппъ Куликовъ*—Орловской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Гнѣздиловской волости.

Имена ихъ не должны быть забыты.

21-го Мая 1915 года комендантъ лагеря Марктренкъ объявилъ плѣннымъ, что пятьсотъ изъ нихъ будутъ отпущены и отправлены на родину. Восторгъ охватилъ населеніе многотысячнаго лагеря. Комендантъ обошелъ бараки и выбралъ 500 человѣкъ; избранниковъ, съ оркестромъ духовой музыки впереди, вывели изъ лагеря.

Но вмѣсто родины, послѣ трехъ дней утомительнаго пути въ наглухо закрытыхъ вагонахъ, плѣнныхъ привезли и высадили въ городѣ Бреннербадъ въ Тироли, гдѣ ихъ уже ждала другая партія, численностью также около 500 человѣкъ, привезенныхъ изъ Зальцбурга.. Отъ австрійскихъ конвойныхъ плѣнные узнали, что цѣль ихъ прибытія—работы по укрѣпленію позицій, для обороны на случай наступленія итальянскихъ войскъ.

Вечеромъ въ первый же день пріѣзда плѣнные черезъ переводчика обратились къ австрійскоау офицеру, начальнику партіи, съ просьбой освободить ихъ отъ работы, исполненіе которой противно данной ими присягѣ. Представители партій присовокупили, что плѣнные безпрекословно станутъ на любую иную работу, какъ бы тяжела она ни была, но рѣшительно отказываются работать во вредъ Италіи—союзницѣ Россіи

Въ отвѣтъ на эту просьбу плѣннымъ было заявлено, что они будутъ разстрѣлены, если не подчинятся предъявленному къ нимъ требованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ партіи обратился къ начальнику обороны Тироля съ ходатайствомъ о присылкѣ въ его распоряженіе достаточной вооруженной силы, каковое ходатайство было удовлетворено, и въ Бреннербадъ прибыло 130 учениковъ подготовительной офицерской школы въ Инсбрукѣ, подъ командой капитана Пильцъ.

На слѣдующее послѣ прибытія утро плѣнныхъ вывели въ поле, версты за двѣ отъ города, и роздали кирки и лопаты. Вырытыя мѣстами неглубокія канавы указывали на то, что на землѣ расчерченъ планъ расположенія будущихъ окоповъ, и плѣнные поняли, что имъ предстоитъ исполнить работы военно-оборонительнаго характера. Они отказались, бросили кирки и лопаты и, несмотря на уговоръ и угрозы, до вечера безъ пищи и питья просидѣли въ полѣ, не приступая къ работамъ.

Рано утромъ, послѣ проведенной въ баракѣ ночи, плѣннымъ было приказано выстроиться на площади и завѣдующій работами по оборонѣ австрійскій саперный офицеръ, свободно говорившій порусски, обратился къ нимъ съ рѣчью, доказывая необходимость подчиниться и грозя въ противномъ случаѣ разстрѣломъ. Рѣчь офицера не имѣла успѣха, какъ не имѣла успѣха и попытка австрійскихъ конвойныхъ ударами палокъ и прикладовъ насильно выгнать плѣнныхъ на работу.

28-го Мая, съ наступленіемъ разсвѣта, плѣнные были вновь выведены на площадь и окружены юнкерами офицерской школы. Послѣдніе были вооружены винтовками и держали ихъ на изготовкѣ. Капитанъ Пильцъ обратился къ плѣннымъ со словами увѣщанія, указывая на то, что дальнѣйшее упорство можетъ вызвать принятіе крайнихъ мѣръ, и совѣтовалъ всѣмъ желающимъ вернуться послѣ окончанія войны на родину и увидѣть своихъ женъ, дѣтей, родителей, братьевъ и сестеръ немедленно же стать на работу. Видя, что слова безсильны, австрійцы отдѣлили стоявшихъ на флангѣ четырехъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ унтеръ-офицеровъ Башта и Духанова, и увели ихъ, сказавъ, что отведенные будутъ разстрѣлены. Молча стояли плѣнные, но рѣшенія своего не измѣнили.

Вскорѣ за первыми четырьмя отдѣлили еще 16 человѣкъ; вдали подъ горой раздались одиночные выстрѣлы, но плѣнные не сдались и были отведены въ баракъ и лишены пищи.

29 Мая австрійцы, желая во что-бы то ни стало сломить упорство плѣнныхъ, вновь вывели ихъ на площадь и вновь окружили юнкерами. Офицеръ приказалъ послѣднимъ зарядить винтовки и обратился къ плѣннымъ съ вопросамъ, согласны ли они стать на работу. Послѣдовалъ дружный отказъ, послѣ чего по командѣ офицера юнкера приложились къ винтовкамъ. Плѣнные заволновались одно мгновеніе, казалось, что они готовы броситься на своихъ мучителей, но тотчасъ-же успокоились и, крестясь и кладя земные поклоны съ молитвою, порѣшили ждать смерти. Начальникъ партіи, поручикъ Урбанъ, еще разъ обратился къ плѣннымъ съ вопросомъ, предпочитаютъ-ли они смерть повиновенію. Шестьсотъ человѣкъ не выдержали, сдались и были отведены на работу. Остальныхъ заперли въ помѣщеніи настолько тѣсномъ, что плѣнники не могли ни сѣсть ни лечь. Для отправленія надобности выводили подъ конвоемъ не болѣе одного заразъ и воздухъ въ помѣщеніи скоро былъ отравленъ зловоніемъ человѣческихъ испражненій. Настроеніе среди плѣнныхъ стало падать и руководившіе ими унтеръ-офицеры отказались далѣе вліять на нихъ, предоставивъ каждому распорядиться своею судьбой.

Къ утру слѣдующаго дня число несогласившихся работать сократилось до двухъсотъ.

Чтобы подорвать сопротивленіе и этой горсти людей, австрійцы прежде всего отдѣлили унтеръ-офицеровъ, увели ихъ въ другое помѣщеніе и здѣсь въ теченіе двухъ сутокъ поочередно подвѣшивали къ столбу, били палками, били прикладами, били лежавшихъ уже на полу, били тѣхъ, кто плакалъ отъ боли, горя и отчаянія. Измученные пыткой люди становились на колѣни и, какъ милости, просили смерти, но палачи ихъ, будущіе офицеры австрійской арміи, хладнокровно продолжали свое дѣло. Многіе изъ нихъ даже смѣялись при видѣ страданій русскихъ плѣнныхъ, не смотря на замѣчанія и упреки капитана Пильцъ, повидимому тяготившагося выпавшей на его долю гнусной ролью.

Исчерпавъ всѣ средства принужденія, австрійцы утромъ 1-го Іюня рѣшили прибѣгнуть къ послѣднему и крайнему средству.

Плѣнныхъ вывели на площадь и изъ нихъ было выбрано шесть человѣкъ. Первому изъ нихъ былъ вновь поставленъ обычный вопросъ о согласіи на работу, на который онъ твердымъ голосомъ отвѣтилъ: «желаю умереть, но на работу не пойду». Онъ былъ отведенъ въ сторону, повернутъ лицомъ къ остальнымъ плѣннымъ, а противъ него встали

четыре юнкера, добровольно вызвавшіеся принять участіе въ разстрѣлѣ. Плѣнный перекрестился, сдѣлалъ земной поклонъ и, держа руки по швамъ, не дрогнувъ, принялъ въ лобъ и сердце тѣ пули, которыя были выпущены въ него на разстояніи не болѣе трехъ шаговъ.

За первымъ были разстрѣляны слѣдующіе двое, также спокойно и геройски принявшіе смерть. Четвертый не выдержалъ: зарыдалъ, согласился работать, и этимъ спасъ свою жизнь. Пятый, вставъ на мѣсто, перекрестился и, не дрогнувъ, встрѣтилъ смерть.

Въ это время были выведены четверо плѣнныхъ изъ отдѣленныхъ ранѣе и подвергавшихся жестокимъ мученіямъ съ цѣлью, чтобы они своимъ измученнымъ видомъ и разсказами о перенесенныхъ страданіяхъ склонили товарищей къ послушанію. Но изстрадавшійся, едва стоявшій на ногахъ отъ истощенія подпрапорщикъ, на груди котораго красовались кресты Св. Георгія всѣхъ четырехъ степеней, имени котораго къ сожалѣнію не удалось установить, не только не сталъ уговаривать плѣнныхъ уступить требованію врага, но громко крикнулъ: «ребята держись, пусть всѣхъ разстрѣляютъ»!..

Стоя съ завязанными глазами, въ отвѣтъ на убѣжденія австрійцевъ, онъ осыпалъ ихъ укорами и бранью. Въ этотъ моментъ плѣнные, не выдержавъ пытки, со слезами на глазахъ согласились стать на работу. Шестого послѣ этого не разстрѣляли... но заставили вырыть могилу и засыпать тѣла геройски погибшихъ товарищей.

Все вышеизложенное въ соотвѣтствующихъ частяхъ удостовѣрено показаніями бѣжавшихъ изъ плѣна очевидцевъ:

1) Ефрейтора 282 Александрійскаго полка Захарченко.
2) Ст. унтеръ-офицера 16 Стрѣлковаго полка Башта.
3) Рядового Л.-Г. Преображенскаго полка Шарина.
4) Рядового 81 Апшеронскаго полка Терентьева.
5) Рядового 324 Клязминскаго полка Малькова.
6) Рядового 57 Модлинскаго полка Гринченко.
7) Ефрейтора 178 Венденскаго полка Пиголица.
8) Рядового 47 Сибирскаго стрѣлковаго полка Чернолуцкаго.
9) Унтеръ-офицера 57 Модлинскаго полка Горноваго.
10) Рядового 166 Ровенскаго полка Осадчаго.
11) Рядового 324 Клязминскаго полка Мошелупъ.
12) Рядового 312 Васильковскаго полка Рожко.
13) Рядового 358 Кишиневскаго полка Коваленко.
14) Ефрейтора 47 Сибирскаго стрѣлковаго полка Бякова.
15) Унтеръ-офицера 51 Литовскаго полка Архипенко.

Кромѣ указанныхъ свидѣтелей фактъ разстрѣла въ Бреннербадѣ четырехъ нашихъ нижнихъ чиновъ за отказъ отъ военныхъ работъ подтвержденъ разсказомъ одного изъ австрійскихъ дезертировъ и копіей рапорта русскаго военнаго агента въ Италіи отъ 27 Февраля 1916 г. за № 59 въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Въ рапортѣ изложено показаніе взятаго въ плѣнъ итальянскими войсками австрійскаго подпрапорщика, бывшаго въ числѣ тѣхъ 130 юнкеровъ офицерской подготовительной школы, которые были высланы изъ Инсбурга въ Бреннербадъ. Этотъ военноплѣнный, очевидецъ разстрѣла, указалъ, что въ числѣ юнкеровъ, добровольно вызвавшихся принять участіе въ разстрѣлѣ русскихъ плѣнныхъ, были юнкера Шранцъ, Редлихъ и Феррари.

Опредѣленіемъ Св. Правительствующаго Синода постановлено увѣковѣчить память мучениковъ героевъ въ тѣхъ церквахъ, гдѣ они были прихожанами.

Настоящій перечень мученическихъ страданій нашихъ плѣнныхъ умѣстно закончить письмомъ, дошедшимъ до коммисіи изъ нѣдръ германскаго плѣна.

Вотъ его содержаніе:

«Мы русскіе военноплѣнные въ Германіи, со слезами молимъ нашу матушку родимую не забывать своихъ сыновъ, томящихся въ неволѣ, терпящихъ въ плѣну обиды и униженія, голодъ и издѣвательства. За тебя, ненаглядная, мы подвергаемся гоненію, біенію, у раскаленной печи стоянію, къ столбу привязыванію, подвѣшиванію, на землѣ распиванію, собакъ травленію... Многихъ ты, родная, увидишь въ ликѣ исповѣдниковъ, мучениковъ за тебя, погибшихъ не честною смертью въ полѣ, а въ бусурманской землѣ, не пожелавшихъ отречься отъ тебя. Твои сыны остались вѣрными тебѣ, родная, до конца. Но ты ихъ не забывай, поддержи ихъ хлѣбомъ; не дай намъ погибнуть отъ голода, мать родная, дай намъ силы дожить, увидѣть, взглянуть на тебя, ненаглядная, Русь Святая! Просимъ съ умиленіемъ тебя: помни своихъ сыновъ въ неволѣ и въ молитвахъ своихъ ихъ помяни!»

Ужели и этотъ вопль забытыхъ страстотерпцевъ не будетъ Родиной услышанъ!

Цѣна 15 коп.

